

МОРСКОЙ
СПЕЦНАЗ

ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА!

Сергей ЗВЕРЕВ

ОДИН В МОРЕ ВОИН

Сергей Иванович Зверев

Один в море воин

Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170889
Один в море воин: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-17543-1

Аннотация

За новейшим российским беспилотным летательным аппаратом, который может плавать и под водой, давно охотятся американские спецслужбы. С его помощью они хотят осуществить провокацию против России во время совместных учений в Аравийском море. И еще им нужен прославленный подводный спецназовец Сергей Павлов по прозвищу Полундра. Ведь аппарат они уже потопили, уведя его с экранов локаторов, и теперь Павлов должен достать его со дна моря. Но Сереге такая роль явно не подходит. Он решил вернуть аппарат своим. И его не остановит даже десяток американских подводных пловцов, которые караулят Полундру в районе поисков...

Содержание

1	4
2	26
3	50
4	62
5	71
6	77
7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Сергей Зверев

Один в море воин

1

На Багдад опускалась ночь. Опускалась неторопливо, плавно, как знойная красавица из гарема, утомившаяся за день и решившая прилечь отдохнуть на мягкий диван. В небе медленно проступали яркие звезды, становилось все холоднее. Улицы города были многолюднее, чем днем – совершенно нормальная для Востока ситуация, где как раз вечер и утро – самые оживленные части суток. В это время не так жарко, как днем, и не так холодно, как ночью. Самое время отдохнуть, погулять, повеселиться. Впрочем, жителям столицы Ирака сейчас было не до веселья. Время страна переживала суровое. Диктатура Саддама Хусейна – это отдельный разговор. Много копий было сломано и в Ираке, и в других странах при обсуждении вопроса о том, хорошо это или плохо для страны, когда власть крепко берет в свои руки сильный и умный, но жестокий правитель. Вспомнить хотя бы обсуждение личности и методов правления Иосифа Сталина или Мао Цзэдуна. А ведь Саддама Хусейна с этими двумя частенько сравнивали. Что особенно забавно – не только враги, но и друзья. Он тоже был сильным и жестоким

правителем, тоже не жалел свой народ, тоже стремился сделать из попавшей под его власть страны по-настоящему сильное и независимое государство. Насколько ему это удалось – вопрос другой. И однозначного ответа на него нет, что бы ни кричали по этому поводу американцы и их клеветы. Но в одном сходятся все – современникам такого правителя позавидовать трудно. Потомки еще могут сказать ему спасибо – за достигнутые результаты. За построенные промышленные предприятия, остановленную преступность, выход экономики из кризиса. Но платить за эти результаты высокую цену всегда приходится современникам. Так что и в самой жизни под властью Саддама для большинства иракцев веселого было мало. Но теперь к этому добавилось еще и набирающее обороты противостояние Ирака и Америки. В воздухе пахло войной, даже самые недалёковидные стали понимать – вот-вот грянет. Разумеется, такая обстановка мало способствовала превращению характера Саддама в голубиный. Он еще крепче сжимал поводья, прищипывал страну. Неприятно быть тем, кого прищипывают. Пусть даже во имя свободы, веры, национальной независимости или еще чего-нибудь столь же красивого. Цены от этого не снижаются, а полицейские и агенты спецслужб, выискивающие крамолу и шпионов, не становятся добрее.

На территории Аль-Мансура – очень богатого и очень «закрытого» района Багдада – с наступлением темноты тоже наблюдалось некоторое оживление. Но не того рода, как в

остальном городе, не веселое. Здесь по улицам засновали солдаты, то к одному, то к другому дому подъезжали автомобили. Люди в военной форме что-то торопливо грузили в них, потом эти автомобили отъезжали, а на их место тут же прибывали новые. В Аль-Мансуре жили преимущественно лидеры партии БААС и высшие чины правительства Хусейна, здесь же располагались несколько важнейших промышленных предприятий. И последние дни, когда стало ясно, что американцы не ограничатся пустыми угрозами, что война действительно вот-вот начнется, все эти большие шишки начали принимать соответствующие меры. Эвакуировали из Багдада семьи и вещи. Кое-кто, возомнив себя самым умным, попытался драпануть и сам, но очень быстро об этом пожалел. Саддам пока еще был у власти. Самые умные поплатились за свою торопливость головами. Ну если стремиться к точности, то не совсем головами – у Саддама было особое мнение о том, как нужно поступать с изменниками.

На окраинах Аль-Мансура суеты было меньше. Здесь располагались в основном не особняки больших людей, а предприятия, которые Хусейн считал особо важными. К территории одного из таких предприятий сейчас и подъезжали два больших автобуса, сопровождаемые тремя мощными джипами. Джипы были набиты здоровенными парнями в форме гвардейцев из особого полка, подчинявшегося непосредственно Саддаму Хусейну. Предприятие, к которому они подъехали, выглядело внушительно. Его территория была

огорожена двухметровым бетонным забором, по верху которого была в несколько рядов натянута колючая проволока. Через каждые несколько метров над забором возвышался мощный фонарь, к которому была присоединена автоматическая видеокамера. Кроме этого, система безопасности включала в себя инфракрасные детекторы и емкостные датчики, а также суперсовременную систему сигнализации. Но и это было еще не все. Саддам Хусейн лично разрабатывал требования к обеспечению безопасности важных объектов. А он понимал, что на одну только технику рассчитывать нельзя – на любую хитрую примочку из его арсенала американцы или другие враги могут найти что-нибудь похитрее. Поэтому территорию обходили по периметру пятнадцать патрульных групп с собаками – бывают ситуации, когда обычная овчарка полезнее любых датчиков и детекторов.

Все эти меры могли бы показаться излишне строгими кому угодно, кроме тех, кто точно знал, что именно производит это предприятие. Тем, кто знал, они могли показаться недостаточными. Поскольку производило предприятие деньги. Американские доллары. Хотя, строго говоря, деньгами эти купюры не являлись, как и любая фальшивка. Но внешне отличить изготовленные тут банкноты от тех, которые выпускает казначейство США, было решительно невозможно. Да и не только внешне. Когда подделкой занимается не одиночка и даже не группа людей, а государство с его нехилыми возможностями, то и качество полученного продукта совершен-

но особое. Здесь использовали современнейшее оборудование для микропечати, ферромагнитные красители, бумагу, только на подбор которой ушло почти полтора года. В общем, усилия были приложены колоссальные. Но результат их оправдывал с лихвой. Сделанные здесь стодолларовые банкноты легко проходили проверки даже на специальном оборудовании, которое используется в супермаркетах, обменных пунктах и банкоматах. Нет, разумеется, установить, что купюра поддельная, было все-таки возможно. Любая фальшивка, как бы хорошо она ни была сделана, остается фальшивкой. Но для установления этого факта была необходима самая настоящая экспертиза, применение очень дорогого оборудования и специалисты высочайшей квалификации. Позволить себе все это могли только самые крупные банки. Но даже их можно было обмануть – ведь такие серьезные проверки из-за каждой попавшей в банк купюры никто не затевает.

Одним словом, дело было не просто выгодное, а очень выгодное. И притом не только с чисто экономической точки зрения. Вброс в обращение большого количества фальшивых долларов наносил весьма чувствительный удар по всей финансовой системе США. А эту страну Саддам Хусейн считал своим врагом номер один. Надо признать, не без оснований.

Правда, наиболее здравомыслящие из советников и министров предупреждали Хусейна, что Америка такого хам-

ства не потерпит. Как только о фальшивках станет известно – а известно о них обязательно станет, шила в мешке не утаишь, – Америка пойдет на все, чтобы остановить их производство. Политические проблемы еще можно урегулировать. Но такого пинка по своей экономике янки не простят ни за что. Кстати сказать, одной из основных причин, по которым Хусейн не пускал в Ирак международную комиссию, было именно это производство. Того, что у него найдут химическое или бактериологическое оружие, Хусейн не боялся – ни того ни другого у него в самом деле не было. Но вот массовое производство американских долларов обнаружить эта комиссия вполне могла. С понятными последствиями.

Автомобили остановились около широких металлических ворот, которые, разумеется, были наглухо закрыты. Но командира гвардейцев это ничуть не смутило. Он выпрыгнул из своего джипа, подошел к воротам и, нажав большую красную кнопку, что-то сказал в микрофон. Голос у гвардейца был резкий, требовательный. Хасан аль-Бизкек привык к тому, что он может приказать что угодно и кому угодно. Ведь он был полковником самого элитного полка во всем Ираке, его командиром являлся только сам Саддам Хусейн и больше никто, на всех остальных шишек в стране Хасан преспокойно мог через губу поплевывать. Что и делал – и не всегда только в переносном смысле. Например, полтора года назад одному из министров, который, как показалось полковнику, слишком нагло с ним разговаривал, он плюнул в лицо в са-

мом прямом смысле. И ничего – сошло с рук. Министр попытался пожаловаться президенту, но тот был в хорошем настроении и только посмеялся. Не в последнюю очередь и потому, что Хасан был еще и дальним родственником Хусейна. Собственно говоря, этот факт и то, что именно ему был доверен полк президентской гвардии, были связаны. Нельзя сказать, что Хусейн верил родственникам – он никому во всем мире не верил. Но все же им он не верил меньше, чем всем остальным. Поэтому его многоюродные дядья, братья и племянники и занимали больше половины самых важных постов в армии, полиции и спецслужбах страны.

Ответили Хасану быстро. Из динамика раздался гортанный голос, тоже довольно резкий. Часовые на этом объекте либеральничать с ночными посетителями не привыкли. Они вообще к ночным посетителям не привыкли. В общем, Хасану в весьма грубой форме предлагалось уносить отсюда жопу, пока цела. В ответ полковник хищно оскалился, резко поднес лицо прямо к микрофону и по-змеиному прошипел несколько слов. Часовой сразу сменил тон. Теперь его голос звучал жалобно, заискивающе. Но выполнять требование Хасана и впускать его на территорию завода солдат все-таки не торопился.

– Вызови Митонасяна, – рявкнул Хасан. – Быстро! За каждую лишнюю минуту, которую я здесь проторчу, получишь по пинку в живот!

Часовой поверил. Такая уж у Хасана аль-Бизкека была в

Багдаде репутация.

Тигран Митонасян, которого требовал к себе полковник, был одновременно и директором, и главным технологом всего предприятия. Именно он фактически и наладил производство фальшивых долларов. Этот пожилой армянин был очень крупным специалистом в области печати и особенно микропечати. А еще он обладал редким и оттого особенно ценным талантом – он хорошо разбирался в людях. Родился и получил образование Тигран в Советском Союзе. Там же он начал работать и быстро сделал неплохую карьеру. В восемьдесят третьем году в числе многих советских специалистов отправился в Ирак. А после девяносто первого года решил не возвращаться ни в Россию, ни в Армению. На территории развалившегося Союза ничего хорошего его явно не ожидало. В Армении ситуация была беспокойная, того и гляди война начнется. А получить российское гражданство, не имея на территории РФ жилья, было весьма проблематично. Да и не очень-то хотелось российское гражданство получать. Митонасян прекрасно понимал, что начавшийся у русских бардак быстро не закончится. В то же время альтернатива была. И неплохая. Армянская диаспора в Ираке была не слишком многочисленной, но довольно влиятельной. В конце концов, армяне жили в Ираке уже несколько тысяч лет, еще с тех пор, когда страна называлась не Ираком а как-то совсем иначе – только историки знают, как именно. В общем, армяне успели как следует пустить здесь кор-

ни. С помощью местных армян Тигран быстро обзавелся в Багдаде несколькими очень полезными знакомствами и понял, какие возможности перед ним здесь открываются. Буквально через полгода его представили президенту. Хусейн Митонасяна очень быстро оценил – ведь идея поставить на поток производство американской валюты родилась у него уже давно. Только специалистов нужных не хватало. И вот перед ним был человек, который, во-первых, сам был ценнейшим специалистом, а во-вторых, мог квалифицированно подобрать других. Хусейн всегда был практиком, человеком дела, и уже через считанные недели пожилой армянин, получив деньги и полномочия, принялся за организацию того предприятия, директором которого он сейчас и являлся. Получилось у него неплохо – сам президент однажды признался, что не рассчитывал на такой превосходный результат.

Став директором комбината, Митонасян занимался не только административной работой. Он оставался и самым ценным специалистом. У него была собственная лаборатория, в которой отпечатанные купюры проходили окончательную проверку. Фактически эта лаборатория была чем-то вроде ОТК. И качество выпускаемых долларов было неизменно отличным. Оно обеспечивалось в том числе и страхом. Ведь по стране ходили упорные слухи, что Саддам растворял в кислоте не только политических противников, но даже спортсменов, не сумевших завоевать олимпийские ме-

дали. Кто-то мог в эти слухи не верить, но Тигран Митонасян знал правду. И сумел наладить работу так, что у Хусейна ни разу не возникло повода на него рассердиться. Наоборот, место руководителя комбината с каждым годом приносило старому армянину все больше денег, почета и уважения в обществе.

Правда, последнее время место это стало Митонасяна радовать куда меньше. Он был весьма неглуп и именно поэтому стал чуть ли не первым из тех, кто говорил Хусейну об опасности крупномасштабной печати долларов. И из-за этого чуть не лишился места. И головы. Вместо того чтобы сократить объемы печати, Хусейн их поднял. Последнее время завод работал в три смены и днем, и ночью, а сам Тигран практически перестал появляться дома, хотя от завода до дома ему было меньше пяти минут езды. И в придачу ко всему за ним появилась слезка. В общем, чувствовал себя армянин последнее время очень неуютно. Самое главное, что ничего сделать было нельзя – от Хусейна не убежишь, это он знал хорошо. Больше всего его сейчас волновал один вопрос – достаточно ли он ценен для президента, чтобы тот не стал его арестовывать. Или Хусейн считает, что старого Митонасяна можно легко заменить?

Именно поэтому, когда в кабинет к Тиграну вошел его заместитель Сеид и сказал, что к воротам подъехали президентские гвардейцы и что они требуют его, у старого армянина просто ноги подкосились. На несколько секунд Тигран пе-

рестал владеть собой, им полностью овладел страх. Он чуть было не приказал сообщить гвардейцам, что его нет на месте. Но успел взять себя в руки. Во-первых, нет гарантии, что Сеид его послушается. В такой ситуации подчиненные бояться и слушаться своего руководителя мгновенно перестают. А зачем, если его того и гляди увезут туда, откуда никто не возвращается? К тому же среди его подчиненных наверняка есть не один и не двое завербованных спецслужбами. А во-вторых, даже если удастся выиграть некоторое время, то что это ему даст? Он ведь даже с территории завода выбраться не сможет.

«Будь что будет, – неожиданно спокойно подумал Митонасян. – В конце концов, пожил я уже немало. Да, может, все еще и обойдется».

– Нужен так нужен, – вслух сказал он, тяжело поднимаясь из-за своего стола. – Сейчас выясним, чего это нашим бравым гвардейцам не спится.

Тигран шагнул к двери, его заместитель посторонился, давая шефу дорогу, и в этот момент его глаза расширились, а рот приоткрылся, на лице появилось выражение изумления и страха. Он смотрел куда-то в угол кабинета. Тигран тоже обернулся, проследил за взглядом своего подчиненного. Тот уставился на небольшой телевизор, стоявший в углу кабинета и работавший сейчас на минимальной громкости. Слух у Тиграна к старости стал неважный. Он видел диктора правительственной программы новостей, но разобрать, что тот

говорит, не мог.

– Что... – начал Митонасян, но не договорил.

– Американцы напали! – отчаянно вскрикнул Сеид.

С неожиданной для его возраста прытью Митонасян кинулся к телевизору и прибавил звук.

– ...силы Коалиции вторглись в воздушное пространство нашей страны. Все самолеты противника сбиты нашими героическими бойцами ПВО, никакой опасности бомбежек нет. Наша армия приведена в полную боевую готовность. Если неверные посмеют сунуться к нам с суши, то иракские солдаты погонят их до Вашингтона и Лондона! Смерть захватчикам! Смерть оккупантам! Мы не допустим...

Митонасян снова убавил звук. Все уже было ясно, а слушать очередную порцию официального вранья и патриотических призывов ему совершенно не хотелось. Значит, Штаты все-таки решились. Военная операция против Ирака началась. Армянин прикусил нижнюю губу. Он понимал, что справиться с американцами и англичанами Хусейн не сможет ни при каком раскладе. У них просто весовые категории разные – это все равно что мальчишке семи лет с взрослым мужиком драться. Да еще и не с одним. Патриотические лозунги и священная ненависть к оккупантам вещи, конечно, хорошие, но сейчас не средние века. Сейчас все решает техника, а она у США и Ирака несопоставима. Митонасян невесело усмехнулся. Все самолеты противника сбиты системами ПВО... И ведь какие-нибудь дураки поверят! Нет, тем

зенитно-ракетным комплексам, которые Ирак в свое время у СССР купил, с современной американской и английской авиацией не тягаться. Они просто устарели. Вот если бы Россия продала Хусейну что-нибудь посвежее, из последних разработок, тогда все было бы интереснее. Но что об этом думать. Россия – не Советский Союз, она на такое не пойдет. Да, собственно, уже не пошла.

– Теперь ясно, зачем гвардейцы приехали, – сказал Тигран. – Эвакуировать нас будут, скорее всего. Того и гляди, могут бомбежки начаться.

Сеид, к которому обращался Тигран, похоже, его вообще не услышал. Араб стоял с бессмысленным выражением на лице, как восковая фигура в музее. Тигран усмехнулся. Да, Сеид же всегда был упертым, в Хусейна верил чуть ли не крепче, чем в Аллаха, каждое слово президента истиной в последней инстанции считал. А Хусейн говорил, что американцы не нападут.

– Сеид! – Митонасян похлопал заместителя по плечу. – Очнись! Нам нужно делом заняться! Иди, собери начальников всех цехов в зале для совещаний. И распорядись, чтобы собрали и упаковали всю готовую продукцию. Ну! Вперед!

На этот раз Сеид его услышал. Движения араба были замедленными, а лицо по-прежнему оставалось неподвижным, но он кивнул и вышел из кабинета. А сам Митонасян поспешил к воротам.

Он успел как раз вовремя. Хасан аль-Бизкек не привык

долго ждать. Он уже совсем вышел из себя и почти решил отдать своим людям приказ ворваться на территорию завода силой. Но буквально в последний момент, когда Хасан уже повернулся к своим гвардейцам и раскрыл рот, ворота приоткрылась, и из них вышел Тигран Митонасян.

– Почему я должен так долго тебя ждать? – рявкнул Хасан, не потрудившись даже поздороваться с армянином.

– Я старый человек, а сейчас поздно, – с достоинством ответил Тигран. – Я спал.

– Так-то ты служишь нашему президенту?! Тебе было приказано, чтобы производство не прерывалось ни на минуту!

– Производство и не прерывалось. А что до того, как я служу президенту... Я служу ему, как умею, – не опуская глаз, ответил Митонасян. – И до сих пор президент не был мной недоволен.

Пожалуй, еще день или два назад Тигран не стал бы так смело разговаривать с Хасаном аль-Бизкеком. Конечно, армянин был нужен Хусейну и являлся не последним человеком в Ираке, но полковник президентских гвардейцев славился злопамятностью, а возможностей отомстить у него было достаточно. Но теперь все изменилось. Когда Тигран спешил к воротам, он дважды слышал отдаленный гул. Конечно, армянин не был военным и судить с уверенностью не мог, но уж очень это напоминало взрывы. Не иначе авиация союзников уже начала наносить по столице бомбовые удары,

невзирая на то, что, по заверениям правительственного канала, все их самолеты сбиты.

Видимо, Хасан тоже понимал, что ситуация изменилась. Он злобно оскалился, но продолжать конфликт не стал.

– У меня приказ от президента. Эвакуировать все производство и отпечатанные дол... – гвардеец осекся. – Ну то есть готовую продукцию.

– Куда эвакуировать? – спросил Тигран.

– Это уже не твоего ума дела. Когда будет нужно – тебе скажут. А сейчас ты должен показать, что именно нужно вывезти, и обеспечить рабочую силу.

– План эвакуации у меня давно готов. Когда приступать?

– Немедленно.

– Но транспорт...

– Вот, – гвардеец махнул рукой в сторону остановившихся неподалеку от завода машин. За время ожидания Тиграна к джипам с гвардейцами и автобусам успели присоединиться больше десятка огромных грузовиков.

– Зачем так много? – удивленно спросил Тигран, посмотрев на машины.

– Ну как... – на этот раз голос бравого гвардейца звучал слегка смущенно. – Вам же все оборудование вывозить надо... Станки...

– У нас не сталелитейный завод, – хмыкнул Митонасян. – Большая часть того, что нужно вывезти, это не станки, а программное обеспечение, техническая документация, готовая

продукция. Кое-какое оборудование тоже, конечно, но его немного. А главное – вот это, – Митонасян ткнул себя пальцем в лоб.

– Что это? – непонимающе поморщился Хасан.

– Голова моя. Все, что здесь есть, я только с ее помощью создал. Создам, если нужно будет, и еще раз. А все остальное просто облегчит и ускорит задачу.

– Ладно, хватит болтать. Начинай погрузку. И еще – имей в виду, президент распорядился, чтобы здесь не осталось никаких следов того, чем вы занимались. За это отвечаешь лично ты. Головой своей драгоценной отвечаешь!

– Не учи меня моему делу, – хмыкнул Тигран. – Все будет сделано, как надо.

– И поторопись.

– Через час все будет сделано.

Митонасян не соврал. Он давно предполагал, что когда-нибудь производство придется сворачивать, причем пожарными темпами. И план эвакуации у него был готов, а работники проинструктированы, как действовать в случае соответствующей команды. Через пятьдесят пять минут все, что планировалось вывезти, погрузили в грузовик, а все прочее было уничтожено. В конце концов, если не найдены ни фальшивые доллары, ни бумага, ни некоторые другие компрометирующие элементы, попробуй докажи, что здесь именно деньги печатались, а не инструкции по выращиванию кактусов.

– Готово, – сообщил Тигран, подходя к скучавшему у одного из джипов Хасану. – Грузовик можно уводить.

Гвардеец молча кивнул. Он подошел к грузовику, что-то тихо сказал водителю, и машина тронулась с места, быстро набирая скорость. Тигран шел за полковником.

– Люди спрашивают, что им делать. Расходиться по домам или как? И что делать завтра, выходить на работу или нет?

– Людей мы тоже эвакуируем, – сказал Хасан. – Вон те два автобуса видишь? – Он указал на два огромных автобуса, прибывших к заводу вместе с джипами гвардейцев. – Пусть садятся туда.

– А куда их повезут?

– Куда надо, – отрезал Хасан.

– Но послушайте, полковник, они же просто откажутся ехать неизвестно куда!

– Не откажутся, – Хасан усмехнулся. Выглядело это на редкость неприятно – словно волк оскалился. – Мы их очень хорошо попросим.

С этими словами он положил руку на автомат, висевший у него на плече.

– Но... – начал было Митонасян.

– В стране объявлено военное положение, – с той же ухмылкой на губах сказал гвардеец. – Объявите им, что они мобилизованы. Отказ ехать туда, куда приказано, будет расцениваться как дезертирство.

Тигран крепко стиснул зубы, еле сдерживая ругательства.

Но сделать было ничего нельзя. Он пошел к своим людям и быстро объяснил им ситуацию. Ерепениться попытались только двое – здоровенный рабочий Фархад и один из инженеров, имени которого Митонасян не помнил. Они кинулись к Хасану и стали наперебой что-то говорить. Митонасян тем временем неторопливо пошел к автобусам вместе со всеми остальными. Вдруг сзади раздался громкий крик. Армянин обернулся и увидел страшную картину.

Хасан яростно пинал скорчившегося перед ним на земле инженера.

– Собака! Как ты смеешь! Я тебе приказал – в автобус! Ну, вперед! Ползком поползешь, или я тебя насмерть забью, на такую мразь и пулю тратить жалко!

Вид у Хасана был совершенно звериный. Митонасян слышал, что у полковника есть склонность к неоправданной жестокости, но такого все же не ожидал.

– Что ты делаешь! Стой! – Он кинулся к Хасану, но дороге ему преградил здоровенный гвардеец с автоматом в руках. Ствол оружия был направлен Тиграну прямо в живот. Остальные рабочие тоже отшатнулись назад – гвардеец был не один.

Не успели остановить только Фархада, стоявшего совсем рядом с Хасаном. Сначала рабочий просто оторопел – он, как и всякий нормальный человек, совершенно не ожидал такой реакции на простую просьбу инженера отпустить его домой, к жене и сыну. Но спустя пару секунд оцепенение

прошло, и он кинулся на гвардейца.

Фархад был очень силен. Он с детства занимался борьбой, легко мог поднять штангу весом в сто килограммов над головой, однажды на спор голыми руками сломал годовалую пальму. Но сейчас сила ему не помогла. Его могучий удар, направленный в подбородок Хасану, впустую разрезал воздух, а в следующую секунду Фархад хрипло охнул – кулак гвардейца со страшной силой вонзился ему в живот, разрывая внутренности. Он согнулся, держась за живот руками, покачнулся, но прежде чем успел упасть, Хасан нанес ему еще один удар – ребром ладони по шее. На землю Фархад упал уже мертвым.

Единственным, чего добился Фархад, было то, что полковник отвлекся от инженера и тот успел встать и заковылять к автобусам. Преследовать его Хасан не стал, он уже достаточно сорвал злобу.

– Ну, что встали?! – рявкнул он на застывших рабочих. – Грузитесь! Быстро!

Ослушаться его никто не посмел. Люди стали залезать в автобусы. Тигран тоже собирался влезть в один из них, но тут его сзади ухватила за шиворот крепкая рука одного из гвардейцев.

– Стой, – рыкнул он. – Иди к командиру!

– Но он же приказал...

– Пошел! – Гвардеец сопроводил слова сильным тычком – он угодил Тиграну стволом автомата по ребрам. После этого

армянин больше спорить не пытался. Он пошел обратно, к Хасану, стоявшему шагах в тридцати от автобуса над телом Фархада.

– Зачем ты это сделал? – спросил Тигран, показывая на тело рабочего. Он с трудом сдерживался, очень хотелось, забыв о том, что он стар и слаб, броситься на этого мерзавца и вцепиться ему в горло.

– Не надо было на меня кидаться, – ответил гвардеец. – Геройствовать он решил. Вот и догеройствовался.

В этот момент последний из рабочих вошел в автобус. Хасан махнул рукой, и автобусы тронулись с места. Митонасян смотрел на полковника со все возрастающим недоумением. Какое-то у него было странное лицо – словно гвардеец чего-то ждал. Тигран раскрыл рот, чтобы задать ему вопрос, но так и не успел произнести ни звука.

Раздался грохот, мощной волной прокатившийся по улице, ударивший по ушам так, что голова чуть не раскололась. Из обоих автобусов во все стороны рванулось ярко-рыжее пламя, в разные стороны полетели обломки. Поскольку отъехать они успели уже довольно далеко, опасности никакой гвардейцам не угрожало – никто из них даже не пригнулся, хотя неожиданностью для них взрывы явно не были.

– Надо же, – совершенно спокойным голосом сказал Хасан аль-Бизкек. – Эти американские нелюди попали ракетой прямо в автобусы. Жизни всех этих людей теперь на их совести!

– Какие ракеты... – начал Тигран.

– Американские, – с нажимом повторил гвардеец. – Или английские. А может, не ракеты, а бомбы. Это уже не важно. Но самое главное тебе, я надеюсь, понятно?!

Тигран опустил голову. Взгляд его наткнулся на тело Фархада, изо рта которого на землю уже натекла большая лужа темной крови. Армянин судорожно сглотнул и тихо сказал:

– Понятно.

– Вот и хорошо, – кивнул Хасан. – Но помни – стоит тебе хоть когда-нибудь, хоть кому-нибудь сказать об этом что-то не то... Ты пожалеешь, что родился на свет.

– Я понимаю, – бесцветным голосом ответил Митонасян. «Хорошо, что он мне угрожает, – промелькнула у него в голове неожиданная мысль. – Эти угрозы значат как минимум то, что меня убивать пока не собираются. Что ж, вот и ответ на вопрос, о котором я сегодня думал. Президент все еще считает меня необходимым».

Тем временем гвардейцы Хасана уже вбегали в ворота, волоча здоровенные деревянные ящики.

– В здание тоже попадет какая-нибудь американская бомба, – сказал полковник, проследив за взглядом армянина.

Он немного помолчал, а потом резко повернулся к заводу спиной и скомандовал:

– За мной. Нам тут больше делать нечего, мои парни все доделают сами.

– Куда меня теперь? – спросил Тигран, шагая за гвардей-

цем к одному из джипов.

– Мы с тобой сопровождаем оборудование до Басры, – ответил Хасан. – Ну, точнее сказать, я сопровождаю – и тебя, и оборудование. Но имей в виду – ответственность за сохранность всего необходимого несешь только ты. Если не сумеешь за месяц восстановить производство на новом месте – пристрелю как бешеную собаку.

«Дурак ты, – подумал Митонасян, усаживаясь в машину. – За месяц... Хорошо бы за полгода восстановить, да и это еще при самых благоприятных условиях. Ну да ладно, об этом нужно не с тобой говорить и не сейчас».

Примерно через минуту после того, как машина тронулась, Хасан достал из кармана небольшую черную коробочку с выдвижной антенной. Набрал на клавиатуре длинную комбинацию цифр и нажал на круглую черную кнопку.

На этот раз взрыв был куда мощнее, чем когда взлетели на воздух автобусы. Хотя они и успели отъехать довольно далеко, машину очень ощутимо трянуло, а грохот был такой, словно гром прямо над головой грянул.

– Снова проклятые янки с их бомбами, – усмехнулся Хасан, пряча коробочку в карман.

«Интересно, – как-то отстраненно подумал Тигран, – а успели твои подчиненные выбраться с территории или нет? Ох, вряд ли. Очень уж мало времени прошло».

Но задавать такие бестактные вопросы вслух Митонасян, разумеется, не стал.

2

– Осторожнее, собачий сын! Осторожнее, кому говорят!

Громкий рык Хасана аль-Бизкека, раздававшийся над одним из причалов огромного морского порта Басры, звучал по-прежнему грозно. Точь-в-точь как в те совсем недалекие еще времена, когда его обладатель являлся полковником президентских гвардейцев и носил соответствующий мундир. Однако времена те минули и, как подозревал Тигран Митонасян, безвозвратно.

Старый армянин стоял на палубе небольшого сухогруза под иракским флагом и наблюдал за Хасаном аль-Бизкеком, командовавшим погрузкой. Наблюдал не без злорадства, что греха таить. Да и было отчего. Выглядел теперь браваый полковник уже совсем не так внушительно, как когда он заявился со своими головорезами к нему на завод. Без военной формы, автомата и знаков отличия полковника Хасан выглядел как... Даже сравнения сразу не подобрать. Вот! Как лев с обстриженной гривой, вырванными когтями и обрезанным хвостом. Тигран видел когда-то такую картинку на одной из карикатур Бидструпа, и она ему еще тогда понравилась и запомнилась.

Митонасян еще раз усмехнулся, но как раз в этот момент бывший полковник обернулся к нему и смерил тяжелым взглядом. Улыбка слетела с лица армянина мгновенно,

словно ворона, сшибленная с забора метким камнем. Очень уж нехороший взгляд был у Хасана. Оценивающий. Да, лев явно оставался львом, даже без когтей и гривы. И уж на старого Тиграна, в котором, кроме имени, ничего хищного никогда не было, у него сил точно еще хватит. Тем более что, как бы плохо ни разворачивались дела в Ираке, план президента по эвакуации завода пока явно шел без сучка и задоринки.

Митонасян слегка прикусил нижнюю губу. И в который раз задумался о том, что ему теперь делать. Хотя, честно говоря, думать тут было особенно не о чем. Ведь сделать он все равно ничего не мог. Все шло так, как приказывал Хасан, и поступить наперекор армянин не мог никак. С бывшим полковником остались больше десятка гвардейцев, которые тоже переделались в штатское, но оружие прихватили с собой, упаковав его в здоровенные спортивные сумки. Здесь, на корабле, явно поджидавшем именно их, Хасана встретил капитан, который несколько секунд о чем-то поговорил с ним шепотом, а потом стал беспрекословно подчиняться всем приказам экс-полковника. А приказы Хасан отдал простые – немедленно принять на борт груз и приготовить судно к отплытию. Сейчас как раз заканчивалась погрузка. Переодетые гвардейцы и матросы сухогруза закончили таскать по трапу цинковые ящики, в которых, как прекрасно знал Митонасян, содержались фальшивые доллары, выпущенные его заводом за последние недели.

«Да, нехилую сумму увозим, – подумал он, наблюдая за тем, как последний ящик утаскивают в трюм. – Интересно, хватит ли Хасану верности, чтобы не попытаться забрать все это себе, а про господина президента просто взять и забыть? Ох, не хотелось бы! Хусейну я еще нужен, а вот полковник наверняка решит, что связываться с печатью новых долларов не стоит, того, что есть, и так на три жизни хватит».

Митонасян тяжело вздохнул. С каждой минутой раздумий раскрывающиеся перед ним перспективы становились все безрадостнее. Здесь еще ладно, порт – место людное, убить его и избавиться от тела не так уж легко. Но вот после того, как сухогруз выйдет в море, он окажется полностью во власти Хасана и капитана корабля.

Армянин поежился. Может, еще не поздно? Закричать, привлечь к себе внимание... Ведь в порту есть полиция! Власть Хусейна пошатнулась, но еще не пала окончательно, все государственные институты пока еще работают, а уж полиция в первую очередь.

Он уже почти решился позвать на помощь. Даже рот открыл. Но так и не издал ни звука. Остановили его две вовремя пришедших в голову здравые мысли. Во-первых, Хасан хоть и не в форме, но наверняка при документах. Или своих старых, или каких-нибудь новых, но не менее авторитетных. Уж этого-то он не мог не предусмотреть. В конце концов, он же не самодеятельностью сейчас занимается, а серьезнейший приказ президента исполняет. Так что криком делу не

поможешь. Махнет Хасан своими бумагами под носом у портового полицейского, и отцепится тот как миленький. А вот самому ему после этого не поздоровится. Второе соображение было более обнадеживающим. И более очевидным, кстати сказать. Митонасян знал Саддама Хусейна не один год. И тот никогда не производил впечатление человека слишком доверчивого. Он всегда контролировал своих людей, всегда держал их в строгом ошейнике. Собственно, только поэтому он и был до сих пор президентом. Так что, если уж он поручил Хасану дело такой важности, то и верность его обеспечил не только честным словом, но и чем-нибудь понадежнее. Кстати сказать, нетрудно догадаться, чем именно. На Хасане за время его службы наверняка столько преступлений скопилось, что он по законам какой угодно страны смертную казнь заслужил или как минимум пожизненное заключение. Наверняка в каком-нибудь швейцарском или американском банке уже давно лежит «дипломатик» с парой видеокассет и стопочкой документов. И держит этот «дипломатик» грозного гвардейца не хуже, чем железная цепь.

– Эй, старик, о чем думаешь?

Громкий голос Хасана вывел Митонасяна из глубокой задумчивости. Экс-полковник поднялся по трапу, подошел к армянину и остановился в шаге от него, нависая над Тиграном, как Гулливер над лилипутом.

– Ни о чем, – спокойно ответил Митонасян. – А что?

– Так подумай. Все уже погрузили, кроме твоего оборудо-

вания. Скажи, можно его открыто нести или нет? Я так думаю, что можно – кто догадается, что это за дрянь такая? Я бы в жизни не понял!

– Так то ты, – чуть усмехнувшись, сказал Тигран. – А кто другой, может, и поймет. На этом причале сейчас знаешь сколько американских шпионов?

– Сколько?! Кто?! Откуда знаешь?! – рыкнул Хасан.

«Ну, как можно быть таким прямолинейным, – мысленно вздохнул Тигран. – А ведь этот еще не из самых глупых».

– Ну откуда мне знать, сколько и кто? – вслух сказал он успокаивающим тоном. – Но я уверен, что они есть и что их немало. Сам посуди: война идет, люди бегут из страны. Конечно, янки хотят знать, кто именно уезжает и что увозит.

– И ты думаешь, эти шпионы разбираются в твоей аппаратуре? – недоверчиво спросил Хасан. – И сумеют понять, что это такое?

– Сами, может, и не разбираются. Но сфотографировать ее наверняка догадаются. А потом эксперты за полчаса разберутся. И начнется тогда за нашим корабликом большая охота.

Хасан несколько секунд молчал, слегка покачиваясь с пятки на носок – была у него такая привычка. Потом повернулся к своим подчиненным и рявкнул:

– Эй, капитан! Сумеет в трюм грузовик загнать?

– Если надо – сумеем, – спокойно отозвался капитан.

Через полчаса грузовик со всем содержимым оказался на

борту сухогруза.

– Знал бы такое дело, сразу бы приказал грузовик загонять, – с досадой сказал Хасан, повернувшись к Митонасяну. – Столько времени из-за тебя потеряли! Что ж ты сразу не сказал, что твои станки нельзя нести в открытую?!

– А ты спрашивал? – довольно дерзко откликнулся армянин.

И тут же пожалел об этом. Не успел он договорить, как Хасан схватил его за шиворот и перебросил через борт. Тигран болтался в воздухе, давясь криком и с ужасом чувствуя, как потрескивает ткань пиджака. А Хасан смотрел ему в лицо и улыбался. Молча, без единого звука. И это почему-то было страшнее самых страшных угроз. Может быть, потому, что чувствовалось – ты для него не человек, а кто-то вроде таракана. Можно не обратить внимания. А можно и раздавить – если мешает или если просто так захотелось.

Хасан держал Митонасяна в воздухе секунд десять. А потом так же молча, плавным движением, как будто армянин был маленьким ребенком, вернул обратно на палубу. Никто из матросов и переодетых гвардейцев не обратил внимания на этот маленький инцидент. А Хасан спокойно отвернулся от Митонасяна и громко скомандовал:

– Капитан! Отчаливаем!

Армянин тихонько убрался к себе в каюту. И, не закусывая, жажнул полный бокал виски. Немного помогло. По крайней мере, руки и ноги дрожать постепенно перестали.

«Странно, – как-то отстраненно подумал армянин. – До сих пор мне казалось, что я не очень-то и ценю жизнь. Ведь хорошо пожил уже, многое повидал, чего смерти-то бояться, все равно она уже не за горами. А оказывается, нет... Как посмотрел ей в глаза, так и понял – боюсь. Да еще как. Нет, больше я Хасану поперек ни слова, ни полслова не скажу».

Спокойно посидеть в каюте Тиграну удалось всего часа три. За это время он успел слегка вздремнуть. Его разбудил громкий стук в дверь.

– Эй, старик, выходи!

Голос был громкий и грубый.

«Кто-то из гвардейцев», – подумал Тигран, опуская ноги на пол. Ему было очень плохо, желудок просто наизнанку выворачивался – не то от выпитого спиртного, не то от качки.

– Сейчас, сейчас, – армянин доплелся до двери, открыл ее. В коридоре стояли два гвардейца.

– Пошли скорей, Хасан тебя к себе требует, – сказал один из них.

Митонасян молча повиновался. Он шагнул через порог, и тут его повело в сторону, он чуть не упал. Впрочем, гвардейцев это несколько не смутило. Они подхватили армянина под руки и поволокли его по коридору, как куль с картошкой. Когда они оказались на палубе, в лицо Митонасяну дунул свежий морской ветер, и ему немного полегчало.

– Все, все, дальше я сам, – сказал он. Но гвардейцы не обратили на его слова никакого внимания и доволокли его

до рубки прежним манером.

В рубке было всего три человека: капитан сухогруза, Хасан и еще какой-то моряк – то ли помощник капитана, то ли еще кто, в таких тонкостях Митонасян не разбирался. Когда он появился в рубке, Хасан как раз заканчивал разговор с капитаном.

– Да, пока курс держим этот же. На Сомали.

– Но... – начал капитан.

– Я все понимаю, – сердито отозвался Хасан. – Но не могу ничего сделать. У меня недвусмысленный приказ – беспрекословно подчиняться радиограммам, зашифрованным этим шифром. Так что выполняйте.

– Хорошо, – коротко кивнул капитан. – Но если они начнут стрельбу?

– Тогда и подумаем. Может, янки блефуют. Не посмеют они по нам стрелять! Мы уже в открытом море! И флаг сменили. Либерия – независимое государство! А у нас даже документы все подлинные, честно получены по их законам.

– Независимое-то оно независимое, но все ведь все понимают. Под этим флагом столько кораблей ходит, сколько во всей Либерии жителей не наберется.

Хасан не ответил. Воспользовавшись паузой, Митонасян негромко спросил:

– Полковник, вы меня к себе вызывали?

– Да, – Хасан резко, всем корпусом повернулся к армянину. – Не исключено, что ты нам сейчас понадобишься. Слу-

шай внимательно, два раза повторять не буду. Мы получили шифрованную радиограмму держать курс на Сомали. Сейчас идем этим курсом. Но десять минут назад с нами вышли на связь янки. Тут кружат их вертолеты, они нас засекли. Требуют, чтобы мы остановились и приняли их на борт для досмотра. Официально мы сейчас не имеем никакого отношения к Ираку, но обыска допускать нельзя, сам понимаешь почему.

– Но при чем тут я? Ведь не допустить обыска – это же не от меня зависит!

– Ясно, что не от тебя. Но если отвертеться все-таки не удастся, то заговаривать янки зубы будешь именно ты.

– Но почему?! Нет, я не отказываюсь! – поспешно добавил Тигран, видя, как сужаются глаза экс-полковника. – Не лучше ли это сделать кому-то из вас?

– Не лучше. Официально ты здесь главный. Ты – наниматель корабля, владелец груза. Капитан – просто представитель либерийской фирмы. А я – начальник твоей охраны. Поэтому говорить с американцами будешь ты. Но я, конечно, буду при этом присутствовать, так что без глупостей!

– Понятно, – обреченно кивнул Тигран. – На какое имя у меня документы? И чей я подданный?

– Документы на твое собственное имя. Подданство Армении. Кстати сказать, совершенно настоящие бумаги, их получили вполне официально.

Митонасян вспомнил, что в самом деле примерно год на-

зад он по требованию президента подписывал прошение о гражданстве правительству Армении. Вот, выходит, зачем это было нужно.

– А документы на груз в порядке?

– Документы – да. Но по документам мы везем финики. Так что в трюм пускать янки нельзя ни при каких обстоятельствах. В общем, придумывай, что хочешь, но не пускай. Я, конечно, очень надеюсь, что все обойдется, что не будут они стрелять по иностранному судну...

В этот момент в рубку без стука вбежал один из матросов и что-то тихо сказал капитану. Тот нахмурился и тяжело вздохнул. Потом поднял глаза на Хасана:

– Вертолеты начали огонь по курсу. Янки вышли на связь и сказали, что если мы не остановимся, то через три минуты они откроют огонь по поражению. Жду ваших приказов.

Хасан глухо зарычал, как хищник, попавший в ловушку. Его огромные кулаки сжимались и разжимались, а глаза стали просто бешеными.

– Останавливайся, – сквозь зубы процедил он.

Капитан кивнул и стал отдавать какие-то команды по внутренней связи. Хасан повернулся к Митонасяну:

– А ты, старик, готовься к разговору с этими американскими скотами. И помни – что бы ни случилось, мы не сдадимся! Если тебе не удастся договориться, то будет бой. Уж хоть один из вертолетов этих гадов, тот, из которого они будут высаживаться, мы точно собьем. Он будет под прицелом

гранатомета.

– У нас есть наличные? – спросил армянин.

– А что?

– Есть одна идея.

– Двадцать тысяч баксов в ящике стола, – Хасан кивнул на небольшой стол, стоявший в углу.

– Хорошо.

Сухогруз сбросил скорость, а потом совсем остановился. Вскоре в зоне видимости появился американский эсминец, от него к сухогрузу отвалил катерок под звездно-полосатым флагом. По радио американцы еще раз передали, что требуют предъявить декларацию на груз, а также желают осмотреть судно. Деваться было некуда. Матросы сухогруза спустили трап.

Капитан, Тигран Митонасян и Хасан аль-Бизкек уже стояли на палубе, готовые к приему гостей. Гости оказалось немного. Всего четыре американца в военной форме – в их знаках различия Митонасян не разобрался, но главного легко определил сразу – высокий, подтянутый сероглазый блондин с длинным лицом. Типичный англосакс.

– Полковник Саймон Грейн, – представился американец. Словно железо лязгнуло. Что-то в нем определенно было общее с Хасаном аль-Бизкеком – помимо звания, понятно.

– Тигран Митонасян. Что вам угодно? – Армянин старался держаться тоже как можно суше и официальнее.

– Нам необходимо провести досмотр судна.

– С какой целью? И по какому праву, собственно говоря? Это корабль независимого государства Либерия, он везет груз, который принадлежит мне, гражданину Армении. Какое вам до нас дело?

– Господин Митонасян, идет война. Есть подозрения, что на вашем судне скрываются иракские преступники, которые хотят уйти от закона.

– Но на обыск требуется разрешение...

– Вот наше разрешение, – из-за спины американского полковника шагнул вперед здоровенный детина, званием явно куда как пониже. Зато кулак у него был размером с хорошую дыню. И этот кулак он сейчас сунул прямо под нос Митонасяну.

– Джон, спокойнее, – сказал Грейн, но в голосе его особенного неодобрения не слышалось.

– Да мы вас... – Дальше Митонасян просто не понял, он не настолько хорошо знал английский, чтобы понимать отборные сленговые ругательства.

– Джон выразился немного грубо, но в целом верно, – одними губами улыбнулся американец. – Всего, что нам надо, мы можем добиться силой. Но пока, – он отчетливо выделил это «пока» интонацией, – я вас просто вежливо прошу позволить мне осмотреть ваше судно. Как джентльмен джентльмена.

– Да уж... – фыркнул Митонасян. – Так ваши предки, тоже джентльмены, видимо, у иностранных судов просили по-

делиться с ними содержимым трюмов.

– Ну, мы так далеко не зайдем. Нам нужно только осмотреть корабль. Итак, ваш ответ?

– А что, у меня есть выбор? Осматривайте, – сказал Митонасян, чуть поворачиваясь в сторону Хасана и слегка подмигивая ему. У армянина был план. Хасан понял. И вытащил из кармана руку. Пустую.

– Знаете, я думаю, уместно начать осмотр с рубки, – сказал Митонасян. – Там у меня все документы на груз, а у капитана на корабль. Прошу вас, проследуйте за мной. Ваши люди пусть подождут здесь. Боюсь показаться негостеприимным, но рубка у нас маленькая.

Американец кивнул. Когда они оказались в рубке, Тигран шагнул к столу, выдвинул ящик и вытащил толстую пачку серо-зеленых купюр. Полковник с удивлением косился на огромный портрет Саддама Хусейна, висевший на стене, но, увидев деньги, тут же переключил внимание на них.

– Знаете, полковник, – вкрадчиво сказал Тигран, – мой народ обладает особым искусством договариваться с теми, у кого есть власть. Многовековые традиции, надо полагать. Но я вижу, что с вами, человеком честным и прямым, все ухищрения бесполезны. И я делаю вам прямое предложение. Вы получаете двадцать тысяч долларов и улетаете, осмотрев только наши документы. В конце концов, никто с вас за это не спросит, вы же не обязаны, а официально даже права не имеете обыскивать наш корабль! Так что, по рукам?

В глазах американца на миг блеснула жадность. А потом они снова подернулись серым льдом. То ли полковник был очень принципиален, то ли, что куда вероятнее, рассчитывал, что найдет на корабле нечто такое, что продвинет его по карьерной лестнице настолько, что двадцать тысяч покажутся мелочью.

– Я не беру взятку. Ваше счастье, что вы не американский подданный, а то попали бы под суд. Итак, я приступаю к осмотру. Прошу предъявить мне документы на корабль и на груз.

Хасан, находившийся за спиной американца, слегка кивнул. Капитан полез в сейф, вытащил оттуда кипу документов. Их американец просмотрел весьма бегло, видимо, понимал, что раз бумаги так легко предъявляют, то, значит, они в порядке.

– А это что? – неожиданно спросил янки, кивая на еще не закрытый сейф. Не дожидаясь разрешения, он подошел к нему и вынул из него несколько листков бумаги.

Митонасян не знал, что это такое, но, увидев, как побледнел капитан, понял – что-то компрометирующее.

– Откуда у вас документы за подписью Хусейна?! – спросил янки, поднимая глаза на Тиграна.

– Я не знаю... – замямлил армянин. – Это что-то по морской части, я не разбираюсь...

– Это разрешение на пребывание в иракских территориальных водах, – сказал капитан.

– Да? С каких пор Саддам Хусейн стал подписывать такие документы лично? – с иронией поинтересовался Грейн. – Хорошо. Сейчас мы это выясним точно. Сам-то я по-арабски читаю очень плохо, но среди моих подчиненных есть профессиональный переводчик. Сейчас он нам...

В этот момент Хасан бросился на американца. Он рванулся вперед со скоростью атакующей кобры, пытаясь достать американца кулаком в висок. Но янки был наготове. И тренирован был явно не хуже Хасана. Он ловко ушел от удара и контратаковал точным пинком по лодыжке – Хасан яростно вскрикнул и отпрянул.

– Собака... – хрипло рыкнул он. В руке у него невесть откуда появился длинный кинжал. Хасан пригнулся и двинулся на американца.

И тут янки совершил роковую ошибку. Если бы он продолжил схватку, то, вполне возможно, сумел бы справиться с Хасаном, а капитан и Тигран Митонасян опасности для него практически не представляли. Но вместо этого янки решил отступить. Он громко заорал, явно собираясь привлечь внимание своих людей. И кинулся к двери.

Оказывается, совершенно напрасно он не обратил внимания на капитана. Тот шагнул вперед и подставил американцу подножку. Янки не упал, но на мгновение потерял равновесие. Этого мгновения оказалось вполне достаточно для Хасана. Араб резко взмахнул правой рукой. Кинжал серебряной молнией промелькнул в воздухе и с омерзительным

хрустом вошел американцу между лопаток. Янки дернулся, попытался обернуться, но довести движение до конца не смог. Кровь хлынула у него изо рта, и он, цепляясь за дверь, стал сползать на пол. Все это произошло настолько быстро, что отпрянувший к стенке Тигран не успел даже толком испугаться.

Американец еще не коснулся пола, когда на палубе прогрохотала автоматная очередь. Это засевшие в засаде гвардейцы Хасана расстреливали американских моряков, кинувшихся на выручку своему командиру. Все трое американцев погибли, не успев сделать ровным счетом ничего.

– Катер! – крикнул Хасан, вылетая на палубу. – Катер не упустите, сучьи дети!

Как раз одновременно с этим криком взревел мотор американского катера, пришвартовавшегося к борту сухогруза. На нем остался один рулевой, который сообразил, что не стоит играть в супергероя, а лучше смыться. Но это мудрое решение его не спасло. Хасан кинулся к борту широко размахнулся и швырнул в успевший отойти на какие-то десять метров катер что-то темное.

Вообще-то попасть гранатой в уходящую на довольно большой скорости цель не так уж и легко. Но Хасан был профессионалом. Граната упала прямо под ноги рулевому. Он опустил глаза, чтобы посмотреть, что это такое. Увидеть гранату он успел. А вот осознать, что это такое, – нет. Взрыв буквально разорвал его на куски. А катер, в днище которого

образовалась нехилая дыра, в считанные секунды набрал воды и стал тонуть.

– Зачем?! Зачем?! – выскочивший на палубу Тигран Митонасян, забыв о страхе, вцепился в плечо Хасану, что есть сил тряс его. Вернее, пытался трясти. С тем же успехом он мог попробовать раскачать танк. – Теперь все! Нас всех перебьют!

– Замолчи, – почти спокойно ответил араб. – Ты – неверный, тебе не понять, во имя чего умирают истинные мужчины. Братья! – он резко развернулся к своим людям. – Судьба была против нас! Нам не выполнить долг! Мы ничем больше не можем послужить нашему великому президенту! Но мы не сдадимся проклятым американским шакалам! Готовьтесь умереть с честью! Капитан! По инструкции, в безвыходной ситуации вы обязаны открыть кингстоны! Сделайте это!

Митонасян несколько секунд стоял, оцепенев. Он просто не верил, что происходящее может быть правдой. Но способность здраво соображать вернулась к нему довольно быстро. Увидев, что капитана на палубе нет, а гвардейцы и матросы дружно стоят на коленях и громко молятся, Тигран понял, что безумный приказ Хасана вот-вот будет выполнен.

«Это же фанатики! – подумал он. – Они в самом деле сейчас преспокойно потонут! И я с ними заодно! Ну нет! Нужно успеть покинуть корабль! Может быть, американцы меня подберут!»

С неожиданной для довольно немолодого и толстого муж-

чины прытью Тигран кинулся вправо, туда, где хранились спасательные средства. Он видел, что к их кораблю уже движутся несколько вертолетов и большой корабль под американским флагом, кажется, тот самый, с которого прибыл катер.

Руки у армянина тряслись, он никак не мог расстегнуть застежки спасжилета. Но в этот момент палуба под ногами дрогнула. Это придало Митонасяну сил. Он просто разорвал пластиковый ремешок – что интересно, в обычных условиях это не всякий профессиональный тяжелоатлет сумел бы проделать, но жажда жизни порой творит с людьми самые настоящие чудеса.

С громким плеском армянин свалился в море. Плавал он плохо, а в спасательном жилете это еще к тому же и неудобно, но он все равно принялся что есть сил грести, стараясь отплыть подальше от тонущего корабля, – Тигран слышал, что в таких случаях иногда возникают водовороты.

А сухогруз в самом деле тонул. Это уже было видно невооруженным глазом. Корма погружалась быстрее носа, вскоре корабль оказался почти наполовину под водой. А потом как-то почти мгновенно погрузился полностью, словно нырнул. Тигран напрягся, еще сильнее замолотил по воде руками и ногами. Но время шло, а водоворота, кажется, не было. Тогда он с трудом приподнялся на мгновение над водой и увидел приближающиеся американские катера. Моряки на них махали руками и что-то кричали. Но что именно, Тигран

не услышал. Во-первых, они были еще далеко. А во-вторых, мир начал темнеть и ускользать от него. Безумное напряжение, в котором он пребывал последние часы, отпустило старика, и он тут же потерял сознание.

* * *

– Вы говорите по-английски? Сэр, вы говорите по-английски? – Потом тот же голос произнес какую-то фразу на незнакомом Митонасяну языке.

– Я говорю по-английски... – с трудом выговорил армянин. Язык еле слушался его, но Тигран почти полностью пришел в себя. И сразу отметил как минимум две хорошие вещи. Первое: он жив. И второе: из воды его вытащили. Что ж, это вселяет оптимизм. Все могло сложиться куда хуже.

– Отлично!

Тигран приоткрыл глаза и увидел того, кто с ним разговаривал. Это был молодой мужчина в американской военной форме.

– Где я? – Митонасян прекрасно понимал, где он, но решил, что прикинуться в такой ситуации еще не вполне пришедшим в себя дураком очень полезно и выгодно. В жизни вообще много ситуаций, в которых выгодно казаться окружающим идиотом. Во всяком случае, не меньше, чем когда лучше выглядеть умным. И истинно мудрый человек отличается в том числе и тем, что умеет вовремя разобраться, в

какую именно ситуацию он попал.

– Вы на борту эсминца военно-морских сил Соединенных Штатов Америки, – эти слова парень отчеканил так, как будто на камне их высечь голосом собирался. Да, сразу чувствуется, типичный американец. В голове гордость за свою страну. А больше ни для чего места как-то и не осталось. Что ж, с таким проще иметь дело. Он предсказуем.

– Как я здесь оказался? Я же тонул... – слабым голосом произнес Тигран, исподтишка осматриваясь. Он находился в довольно маленькой каютке, судя по обстановке, она была предназначена как раз для больных. Видимо, что-то типа палаты для отважных американских солдат, героически натерших мозоль на пятке или получивших еще какое-нибудь столь же тяжелое повреждение.

– Мы вас спасли, – отчеканил янки. – Сэр, вы можете назвать свое имя?

– Тигран Митонасян, – сказал армянин, чуть помедлив. Он решил, что врать не имеет смысла. Все равно они могут проверить. К тому же зачем врать лишний раз? Официально он не замешан ни в чем грязном. Да, бывший советский подданный. Да, был послан работать в Ирак. А потом не мог оттуда уехать, проклятый режим Хусейна ему этого не позволял. Но сейчас, когда под мощными ударами героических сил антихусейновской коалиции режим затрещал по всем швам, он и решил воспользоваться случаем и удрать из страны. Примерно в таком ключе и нужно все представить.

Правды достаточно много, чтобы его было не за что ухватить.

– Я армянин, – продолжил Тигран, не дожидаясь следующих вопросов. – Бежал из Ирака.

– Вот как? Это было иракское судно? – янки неумело притворился удивленным.

«А то вы не знаете!» – подумал Тигран.

– Да, – вслух сказал он. – Мы вышли из Басры.

– Как вы оказались на борту?

Тигран заговорил. Он быстро пересказал американцу свою полуреальную, полувывмышленную биографию и поведал ему историю о том, как после первой же бомбежки удрал из Багдада, добрался до Басры, проник в порт и, сумев за небольшие деньги договориться с матросами одного из сухогрузов, попал на корабль. Янки кивал и записывал.

– А куда вы направлялись? – спросил он, когда армянин умолк.

– Ох, да мне все равно было, лишь бы из Ирака выбраться. Я же как христианин столько гонений от Хусейна вытерпел!

– Но все-таки, куда вы планировали попасть в конце концов? На родину, в Армению?

– Нет, – покачал головой Митонасян. – У меня там уже и не осталось никого. Скорее всего в Ливан, там мой троюродный брат живет, ресторан содержит. Уж не прогонит родственника, я думаю.

Здесь Тигран не врал, троюродный брат, владелец ресто-

рана в Ливане, у него в самом деле был. Да и еще в паре стран нашлись бы дальние родственники. Армянская диаспора – одна из самых финансово сильных и разветвленных в мире.

Янки записал и этот ответ Тиграна и только теперь перешел к главному.

– Что вы можете сказать о том, что происходило на корабле непосредственно перед тем, как он начал тонуть?

Тигран чуть помедлил с ответом, быстро обдумывая, о чем ему говорить, а о чем нет. Врать, что не видел совсем ничего, нельзя. Американцы могли видеть его на палубе в бинокль. Да и про спутники не стоит забывать – сейчас техника такая, что с орбиты можно номерной знак машины сфотографировать. Вдруг один из них как раз сейчас был над этим районом? Их ведь теперь вокруг Земли не одна сотня крутится.

– Я и сам толком не понял, господин, – сказал он, стараясь, чтобы лицо и голос у него были как можно простодушнее. – То ли террористы какие-то появились, то ли, наоборот, полиция иракская. Не знаю. В общем, какие-то люди с автоматами. Командиром у них был такой здоровенный араб, они его называли Хасаном. Он капитану корабля приказы отдавал, а тот слушался.

– Вы этого Хасана раньше видели?

– Нет, никогда. Так вот, когда ваши люди появились на корабле, Хасан одного из них увел куда-то. А через минуту или две раздался крик. Ваши солдаты на крик кинулись, но

тут их эти автоматчики и расстреляли. По мне тоже чуть не попали, хотя я к самой стенке прижался и тихо стоял.

Американец поморщился, но вслух о своем отношении к трусливому поведению собеседника ничего не сказал. Видимо, счел ниже своего достоинства.

Допрос продолжался еще долго, но больше ничего важно-го Тигран не рассказал. Когда американец уже собрался уходить, армянин спросил:

– А кроме меня, с корабля спасли кого-нибудь?

Ответа на этот вопрос он ждал с замершим сердцем. Если янки выловили из моря кого-то из гвардейцев, он и его может заложить.

– Еще трех матросов, – ответил американец. – Больше никого спасти не удалось. Волнение было сильное, волны разносили всех в разные стороны, а у нас было только два катера. К тому же никто, кроме вас, спасательных жилетов не надел.

«Матросы – это еще ничего, – подумал Митонасян. – Никто из них о том, кто я на самом деле, не знает».

– А что теперь со мной будет? – спросил он, обращаясь уже к спине выходявшего из каюты янки.

Тот обернулся, пожал плечами:

– Да ничего. Спишем вас на берег, и все.

– Но у меня же ни денег, ни документов, – заныл Тигран, решив, что в данной ситуации это будет вполне уместно.

– Это уже не мое дело. Поговорите с начальством, – отре-

зал американец и вышел из каюты.

«Кажется, пока все складывается неплохо, – подумал Тигран. – Во всяком случае, куда лучше, чем могло бы быть. Конечно, денег и бумаг у меня и правда нет. Но зато есть свобода. А все остальное приложится. А не я буду, если что-нибудь не выжму из американцев».

Выжать из американцев кое-что полезное Тиграну в самом деле удалось. После первого допроса с ним разговаривал еще только один американец, постарше и явно посерьезнее первого. Он проверил, знает ли Тигран русский язык, поговорил с ним об Армении и Советском Союзе и, видимо, убедившись, что в основном спасенный не врет, оставил его в покое, предварительно сообщив, что на берег его высадят в Кувейте. Тигран сумел выпросить у янки официальный документ, дающий ему статус беженца, и даже немного денег. В общем, на то, чтобы прожить в Кувейте первые несколько дней, должно было хватить. А уж там он не пропадет. Нет в мире, а уж тем более на Востоке, такой страны, где армян бы не было. Найдет соотечественников, они ему в помощи не откажут, и в Ливан, к брату.

Так Тигран Митонасян и поступил. В Кувейте его следы затерялись, хотя американцы потом, немного разобравшись в обстоятельствах случившегося, и искали его. Впрочем, не слишком усердно. Дел на Ближнем Востоке у янки в это время и без того хватало.

3

Сергей Павлов, известный всему российскому Северному флоту под прозвищем Полундра, подводный спецназовец, подошел к причалу. Несмотря на то что здесь, в заполярном городке, он служил уже несколько лет и все его знали в лицо, часовой, стоявший у железных ворот, ведущих на территорию причала, потребовал у него пропуск и бдительно изучал его секунд тридцать.

– Да не шпион, не шпион, чем хочешь клянусь, – усмехнулся Полундра. – Хватит, Лешка, из себя Карацупу разыгрывать.

– Может, ты и не шпион, – не вполне официальным, но серьезным голосом отозвался часовой, но порядок должен быть.

– У меня тоже документы проверять будешь? – раздался из-за спины Полундры голос, знакомый обоим морякам.

– Здравия желаю, товарищ адмирал! – хором рывкнули оба офицера.

– Вольно! – махнул рукой адмирал Петр Николаевич Сорокин.

Он был одним из немногих по-настоящему уважаемых российских адмиралов. Одним из тех, кто получил адмиральские погоны честно, пройдя все до единой ступеньки служебной лестницы. Поэтому и отношение на флоте к нему

было особое, как к примеру для подражания. Его можно было смело назвать образцом русского морского офицера, честью и гордостью флота. Сорокин об этом знал и отношение это ценил. Впрочем, это не значило, что он за популярностью гнался. Вот чего не было, того не было. Бывал адмирал и суров, бывал и жесток. Особенно к тем, кто, по его мнению, позорил высокое звание российского офицера. Поблажек он никогда никому не давал и впредь давать не собирался. И любимчиков у него сроду не бывало. Правда, поговаривали последние годы некоторые штабисты, что появился у адмирала все-таки любимчик – Сергей Павлов. Сорокин, услышав это однажды, спокойно вытащил из кобуры пистолет и заявил: «Тогда это тоже мой любимчик. На него я, как и на Павлова, всегда могу положиться, и он меня еще ни разу не подводил». Что характерно, ствол второго «любимчика» адмирала был при этом направлен на излишне болтливую штабиста. А о том, что табельное оружие у Сорокина всегда заряжено, знали все. Так что побледнел сплетник, извинился и удалился по-английски, не прощаясь. Очень характерный был эпизод, прекрасно демонстрирующий характер адмирала.

– Ну так что, доставать удостоверение? Или так пропустишь? – спросил Сорокин, шагая к часовому.

– Товарищ адмирал... Порядок есть порядок. Покажите удостоверение.

– Да ты что, лейтенант, с ума съехал?! Уж меня-то можешь

и так пропустить!

– Товарищ адмирал, – рука часового легла на автомат, – я вас убедительно прошу, предъявите удостоверение!

– Совсем офонарел! – Адмирал сунул руку в карман, порылся в нем. – Нету! Забыл, не иначе! Ну-ка, пусти, хватит комедию ломать! – Он шагнул вперед.

Часовой решительно заступил ему путь, автомат теперь был направлен на адмирала.

– Да ты что... Сергей! – Сорокин обернулся к Павлову. Но в руках Полундры уже был пистолет. На прицел он пока адмирала не взял, но взгляд у спецназовца был суровый.

– Ну, черти! – покачал головой адмирал. – Ладно, поеду за удостоверением.

– Простите, товарищ адмирал, но вам придется подождать, пока я не вызову старшего начальника караула, – решительно заявил лейтенант.

– Все, уели старика, – Сорокин вытащил из кармана красные корочки. – Читай! Все честно, Петр Николаевич Сорокин, Северный флот, а никакой не Джон Смит из ЦРУ. Теперь веришь?

Часовой, не опуская автомата, изучил удостоверение адмирала. Причем не менее тщательно, чем у Полундры. И только потом опустил оружие, отдал честь и посторонился.

– Извините, товарищ адмирал. Служба!

– Да понимаю, понимаю, молодец! – хмыкнул адмирал. – Все правильно ты делаешь. Интересно вот только, а если бы

сюда не я, а Самсонов подошел без удостоверения, тогда бы ты что делал?

Адмирал Самсонов славился на весь городок своим крайне склочным характером, мстительностью и злопамятностью.

– То же самое, – решительно ответил часовой.

– Верю, – теперь уже совершенно серьезным голосом ответил Сорокин. – Вот теперь действительно молодец!

Часовой еще раз отдал честь. Сорокин ответил ему тем же, а потом прошел на территорию порта. Павлов последовал за ним.

– Сергей, а скажи, зачем ты пистолет достал? – поинтересовался Сорокин, когда они отошли от поста шагов на двадцать. – Ведь понимал прекрасно, что я просто проверяю лейтенанта.

– Я, конечно, понимал, – спокойно ответил Полундра. – Но в то же время... Мало ли что... Сами же учили – бдительность лишней никогда не бывает. Вдруг это правда какая-нибудь хитрая подстава. Двойник, гипнотизер, инопланетянин с Альфы Центавра. Нет, конечно, я в это не верил, но все-таки... Убрать пистолет в случае чего недолго. А уставы не дураки пишут.

– Ну все, теперь окончательно уел, – хмыкнул Сорокин. – Такой весь правильный, аж не верится, что живой человек. Хоть картину с тебя пиши для наглядной агитации.

Павлов молча пожал плечами. А что тут можно было ска-

зять?

– Спросить у меня, куда идем, не хочешь? – резко сменив тему разговора, спросил адмирал.

– Хочу. Но знаю, что если нужно, сами скажете.

– Нужно. Вот и говорю. Нам сегодня с тобой очередную новинку техническую демонстрировать будут. В пятом ангаре. Вещь секретная, поэтому присутствовать будем только ты, как тот, кто непосредственно будет с ней работать, я да еще пара человек – один из штаба и один из особого отдела.

– Ясно, – голос Полундры повеселел. Он знал – раз техническая новинка и ему с ней работать, то, значит, какое-то новое задание. Пусть и не самое сложное, не самое важное, но все же наконец-то реальное дело. А то он уже устал в гарнизоне штаны просиживать и заниматься исключительно тренировками.

– Что за новинка-то? – спросил Сергей.

– Сейчас придем – узнаешь. Хотя, собственно, мы уже пришли.

На входе в огромный ангар у них снова проверили документы, на этот раз еще более придирчиво, со сканером.

Внутри ангара все уже были в сборе. Представитель завода-изготовителя, высокий лысый мужчина в толстенных очках, здорово похожий на Дуремара, нетерпеливо посматривал на часы. Было без двух минут одиннадцать, а испытания были назначены на одиннадцать ровно. Представители штаба округа и особого отдела уже давно были здесь, не хвата-

ло только адмирала и человека, который будет работать с их детищем.

– Что-то вы чуть не опоздали, – сказал особист, шагая навстречу Сорокину и Полундре и протягивая руку.

– Добрый день, – сказал адмирал, глядя в первую очередь на инженера-разработчика. Потом, повернувшись к особисту, добавил, игнорируя повисшую в воздухе руку: – Я никогда не опаздываю. Но и раньше, чем нужно, не прихожу. Умею ценить свое время.

Особист скривился, словно лимон без сахара сжевал, но огрызаться не пытался. Видимо, был наслышан об адмирале Сорокине.

– Ну что ж, все в сборе, приступим, – сказал Сорокин, оглядевшись. – Итак, что вы нам сегодня будете показывать? Кстати, будем знакомы. Я Петр Николаевич Сорокин. А вы?

– Игорь Петрович Дулов, – представился инженер.

– Хорошая фамилия, – заметил Сорокин.

– Да, – с заметной гордостью подтвердил Дулов. – Я специально выяснял – все мои предки оружием занимались.

– Здорово. Ну, надеюсь, вы не посрамите своих предков. Итак, рассказывайте, показывайте, мы все – внимание.

Дулов махнул рукой, и на помосте, находившемся в центре ангара, двое мужчин в одежде техников принялись расчехлять какую-то странного вида машину. Больше всего она напоминала миниатюрный самолет, но очень уж непривычного вида. Ни такой, ни даже похожей модели ни один из во-

енных еще не видел.

Инженер громко откашлялся и заговорил.

– Перед вами новейшая разработка российской оборонной промышленности. Это беспилотный летательный аппарат, сокращенно БЛА.

Лица военных слегка поскучнели. Такие аппараты для них новинкой не были. Инженер это заметил.

– Подождите! Я еще ничего про него не рассказал! Этот аппарат не засекается никакими радарами, он может быть замечен только визуально. Всепогодный. Может управляться дистанционно, практически с любого расстояния. Имеет огромный запас хода, может нести сверхмалые ракеты для точечных ударов и еще несколько видов вооружения, в том числе новое секретное оружие, о котором разговор будет особый.

Лица моряков чуть посветлели. Но именно чуть.

– Подобные машины у американцев на вооружении давно стоят, – сказал Полундра. – Хорошо, конечно, что теперь и у нас такая появится, но это мы не вперед идем, а догоняем.

– Я ждал, что вы это скажете, – улыбнулся инженер. – И берусь доказать, что вы ошибаетесь, что такой на данный момент ни у кого, кроме нас, нет. Как вам понравится такой интересный факт – этот аппарат предназначен не только для полета, но и для подводного плавания!

– Это как? – нахмутив брови, спросил штабист. – И самолет, и подводная лодка одновременно, что ли.

– Именно! – кивнул инженер. – Именно так! Преимущества очевидны. Самолет в ночное время может, например, перелететь минные заграждения, недоступные для подводных лодок, потом погрузиться, уничтожить корабли противника и уйти по воздуху. Знаете, мы, разработчики, между собой называли эту модель «Зимородок». По-моему, очень подходящее название. Маленькая хищная птичка – нырнула под воду, цапнула добычу, вынырнула и улетела. Ну, чтобы не быть голословным, маленькая демонстрация!

Инженер снова взмахнул рукой, и техники, скатив самолетик с помоста, покатали его к воде. В этом ангаре был спуск в море. То есть можно было прямо отсюда уйти под воду. Это было весьма удобно, особенно для случаев, подобных этому, когда испытывалась по-настоящему секретная новая техника.

– Пойдемте, – инженер сделал приглашающий жест и вытащил из «дипломата» черную коробку размером с толстую книгу. – Вот, смотрите, у меня в руках пульт управления. Потом я объясню подробнее, как именно он работает, а пока полюбуйтесь!

Дулов стал нажимать какие-то кнопки на пульте. И самолетик начал двигаться. Он совершенно бесшумно съехал в воду. Инженер продолжал жать кнопки.

– Ну? – нетерпеливо спросил особист. – И что теперь? Надеюсь, вы его не утопили?

– Нет, – отозвался Дулов. Голос у него был слегка обижен-

ный. – Посмотрите! Вон он!

Самолетик стоял на берегу в самом дальнем конце ангара.

– Лихо! – восхищенно сказал Полундра. – Странно, что я не слышал, как он всплывает.

– А это отдельный разговор, – довольным голосом сказал инженер. – У него особая поверхность. Покрытие разрабатывал не мой отдел, так что подробно про него рассказать не могу, но эффект прост – ни при входе в воду, ни при выходе из воды брызг нет. Вообще. Конечно, это мелочь...

– Ничего себе мелочь! – хмыкнул Сорокин. – Такая мелочь может не одну жизнь спасти!

Инженер заулыбался, ему явно было приятно, что представляемое им чудо техники оценили по достоинству.

– Я знаю, – сказал Полундра, – что идея такого аппарата еще в тридцатые годы была. Но до конца ее не довели.

– Довели, – сказал Дулов. – Несколько экспериментальных образцов было построено. Но в серию они так и не пошли – из-за начала войны и того, что конструктор посадили. Да к тому же эти образцы были не совсем удачными по многим параметрам. С тем, что создали мы, – никакого сравнения. Я ведь вам еще не все рассказал. «Зимородок» может нести не только ракеты, но и самонаводящиеся на цель мини-торпеды. Еще имеет систему визуальной защиты под водой. В сочетании с тем, что радар его не видит, результат вообще бесподобный – фактически он может становиться полностью невидимым.

– А что это за визуальная защита? – спросил Сорокин.

– Мы позаимствовали идею в природе. БЛА выпускает облако краски, на манер спрута. Только эффект куда лучше – краска мелкодисперсная и распространяется очень далеко.

– Понятно, – кивнул адмирал.

– Так, что еще вам нужно показать... Ага! Вот пульт настройки, – Дулов отщелкнул панель на фюзеляже. – О том, как конкретно настраивать аппарат, мы поговорим более подробно с тем, кто будет с ним работать, но не сейчас, а чуть позже. Кстати, кто именно будет оператором?

– Кто-то из наших офицеров. Из тех, кто присутствует здесь, должен быть подготовлен Сергей Павлов, – адмирал кивнул на Полундру. – Это один из лучших офицеров Северного флота. Ему уже не впервой работать с техническими новинками, так что можете на него положиться. Возможно, в испытаниях управлять БЛА будет и не он, но знать, как это делается, он обязан.

– Когда и где будут проходить испытания? – спросил особист.

– Они запланированы на этот месяц, – отозвался адмирал. – Гидрографическое судно, на котором служит лейтенант Павлов, будет участвовать в совместных с американцами и некоторыми арабскими странами военных маневрах в Аравийском море. Там мы и испытаем БЛА.

– Но как же меры безопасности?! Там же кругом будут иностранцы! Обеспечить секретность будет невероятно

трудно! Не лучше ли испытать этот аппарат где-нибудь у нас?

– Не лучше, – отрезал Сорокин. – А насчет того, что вокруг будут американцы, могу вам сказать, что это даже хорошо. Одна из целей, ради которых мы берем БЛА в Аравийское море, заключается как раз в том, чтобы штатникам нос утереть. Продемонстрировать, что подобные аппараты есть не только у них, но и у ВМФ РФ. И не спорьте! Это решение принимал не я. Ну, точности ради, скажем так: не один я. Оно согласовано с Москвой, с Генеральным штабом.

Особист, явно собиравшийся возмущаться, осекся. А Полундра одобрительно кивнул. В самом деле, иногда бывает выгодно не прятать от врага техническую новинку, а, наоборот, продемонстрировать ее. Это часто помогает предотвратить некоторые операции, которые противник планирует, рассчитывая на техническое превосходство. А это бывает выгодно – не вступать в драку, а предотвратить ее.

– Но почему особый отдел не получал соответствующих документов? – огрызнулся все-таки особист.

– Он их получил час назад, – ответил Сорокин. – Они были высланы из Москвы в штаб округа, и как раз сегодня их должно было получить ваше начальство.

Выдержав секундную паузу и убедившись, что больше никто ничего сказать не хочет, Сорокин заключил:

– Ну что ж, можно считать, что демонстрация состоялась. До встречи, товарищи!

На обратном пути Сорокин слегка придержал Полундру

недалеко от ангара.

– Сергей, ты не маленький уже, поэтому говорю открытым текстом. Имей в виду – ваша задача в основном не испытание БЛА, а обеспечение подводной безопасности судна, предотвращение возможных диверсий. Как управлять аппаратом, тебе объяснят, но это так, на всякий случай.

– Есть информация о том, что могут быть диверсии? – спокойно спросил Полундра.

– Всякое может быть. Ты должен быть как пионер – всегда готов. Еще один момент. На этот раз ты пойдешь не старшим группы. Командиром назначили Моржа.

Полундра молча кивнул. Что ж, каперанг Теменев, известный среди подводных спецназовцев под кличкой Морж, отличный специалист, такому подчиняться не стыдно. Единственный его минус – староват уже каперанг. Скоро полтинник ему стукнет, для такой работы возраст не самый подходящий. Но, с другой стороны, начальству виднее, когда более полезен опыт, а когда сила и молодость.

4

Учения в Аравийском море проходили вполне успешно. Впрочем, с тех пор, как у России вместо вероятных противников во всех широтах объявились друзья, обычно так и бывает. Отчего же не провести совместные учения, если вроде бы друг против друга военных действий не планируется, а готовится только отпор неким условным международным террористам. Никто никому не мешает, полная дружба и взаимопомощь, а условный противник совсем слаб, что и логично. В самом деле – ну какие могут быть военно-морские силы у террористов, пусть хоть трижды международных? А тот факт, что все участники совместных учений держат по огромному камню за пазухой и постоянно друг за другом шпионят, как-то вроде бы и не учитывается. Привыкли уже все.

На палубе российского гидрографического судна стояли несколько офицеров, свободных от вахты. Они наблюдали за взлетами самолетов палубной авиации с крейсера, находившегося примерно в кабельтове от них. Забавная ситуация: согласно лицемерной советской терминологии в СССР ударных авианосцев не было и быть не могло. Таковые могли быть только у агрессивного блока НАТО. Поэтому советские авианосцы именовались авианесущими крейсерами. Разница, разумеется, просто колоссальная. Терминология эта со-

храняется и по сей день. Впрочем, если копаться в названиях, то интересного можно много найти. Простейший пример: у всех стран есть министерства обороны. И ни у кого, вот странность-то какая, нет министерства нападения. Все в мире дружелюбные, только защищаться готовы, а самим кого первым тронуть – ни-ни. А уж если приходится, то и называться это будет соответственно – миротворческая операция, или контртеррористическая, или еще как-нибудь в этом роде. Только гитлеровская Германия была в этом плане честной – у нее соответствующее ведомство называлось просто военным министерством.

– Красиво пошел... – сказал один из офицеров, совсем молодой лейтенант, провожая взглядом взлетающий самолет. – Сколько уже видел, а все равно каждый раз за душу берет.

– Точно, – кивнул другой, невысокий коренастый каплей. – Самое красивое из всего, что человек придумал, – это оружие.

– Ну уж и самое... – хмыкнул кто-то у него за спиной.

– Точно вам говорю. Посмотрите на картину какую-нибудь средневековую и на саблю того же времени – что красивее?

– По-моему, картина.

– А по-моему, сабля.

– Ну, вы еще подеритесь, – усмехнулся кавторанг, самый старший по званию из всех присутствующих. – Ты, Леонид,

про свои вкусы нам всем уже по тридцать раз рассказывал, а теперь вот появился свежий человек, его начинаешь обрабатывать.

Кавторанг повернулся к молодому лейтенанту:

– Ты на него особого внимания не обращай. Он у нас патриот, да не просто патриот, а такой, что по сравнению с ним Жириновский просто образец миролюбия. Леонид у нас совершенно серьезно считает, что нам нужно бывшие союзные республики силой обратно присоединять.

– И считаю! – резко кивнул каплей. – И не скрываю этого! И даже начальству рапорт писал!

– Вот уж начальство без твоего рапорта не знает, что ему делать.

– А по-моему, не знает! Давно пора прибалтов обратно присоединить и хохлов. Ну, белорусов можно и не трогать, они сами вернутся, у них президент нормальный.

– Ты у нас просто Наполеон. А Европа? Думаешь, дали бы нам так просто это сделать?

– Не пикнула бы Европа, – убежденно сказал Леонид. – Вот представь – завтра наши танки неожиданным броском занимают Украину, Эстонию, Латвию и Литву.

– Как это у тебя, интересно, получится – одним броском все четыре страны?

– Да там страны – шапкой закрыть можно! А сопротивляться серьезно нам никто там не сможет.

– У хохлов армия приличная, – подал голос один из офи-

церов, до сих пор молчавших. – Как– никак, костяк тоже советский.

– Ерунда! Войти в Восточную Украину, захватить Донецк и другие промышленные центры, в этом нам, кстати, хохлы сами помогут, в Восточной Украине они, считай, русские и сами к нам обратно хотят. А Западная Украина – это одно сельское хозяйство, ничего они бы нам не противопоставили. В три дня можно было бы и хохлов, и прибалтов захватить. А когда Европа и Штаты оказались бы поставлены перед фактом, ничего бы они не сумели реально нам сделать, только пердели бы всякими дипломатическими нотами да меморандумами. Ну что, вы верите, что они воевать бы с нами стали? Нет, не такие они дураки. Россия – не Ирак. Кровью бы умылись. Я вам больше скажу – сейчас весь мир боится, как бы Россия или Китай не поняли, что никто им ничего реально сделать не может. Ну, Китай-то менее опасен в военном плане, вояки из них хреновые, всю их историю они от кого только по башке не получали. А вот Россия... Мы бы многое смогли, если бы у власти нашей решимости хватило.

– А экономические меры?

– Да плевать нам на их меры! Все, что нам нужно, Россия сама сделать может. Вон в начале века какие меры против СССР принимали, считай, полная экономическая блокада была. И ничего, устояла страна. Неужели у нас кровь жиже с тех пор стала?!

– Не прав ты, Леонид, – сказал кавторанг уже вполне серьезным голосом, без издевки. – Не в том дело, чтобы кого-то захватить и подчинить. Нужно у себя дома наводить порядок.

– Правильно, – хором сказали еще два офицера постарше.

– А зачем тогда вообще нужна армия?! – не сдавался Леонид.

– Для безопасности страны. Для ее чести. Для того, чтобы влиять на то, что в мире творится, чтобы с нами считались. Вот сейчас, если разобраться, в чем наша миссия? Показать, что Андреевский флаг вернулся в Индийский океан. А рядом напряженный очаг конфликта – Ирак.

– И что?

– То, что это позволяет хотя бы более уверенно переговоры международные вести. Вон американская вертушка висит, за нами наблюдает – это ведь тоже не просто так.

Неподалеку от российских судов, метрах в пятидесяти над поверхностью моря, в самом деле висел вертолет с эмблемами ВМС США. Ничего странного в этом не было – во время проведения учений это обычная практика, ведь воды нейтральные. В точности так же сейчас поблизости от американских кораблей летали российские вертушки.

– Политики, тоже мне... – презрительно махнул рукой Леонид.

– О, смотрите, водоплавающие появились, – отвлек внимание товарищей от темы разговора тот самый молодой лей-

тенант, который восхищался взлетом самолетов.

В самом деле, на палубе гидрографического судна появились несколько здоровенных мужиков, тащивших акваланги и прочее подводное снаряжение. Это была группа каперанга Теменева, заместителем которого был Полундра. Знаменитые «морские дьяволы», элитный подводный спецназ. Для них не существовало невыполнимых задач. Они были настоящими асами, умели не только побеждать даже в самых безнадежных ситуациях, но и возвращаться после победы живыми. Все они были офицерами или мичманами, все в совершенстве владели огнестрельным и холодным оружием, были мастерами рукопашного боя, а под водой с аквалангами дали бы фору профессиональным спортсменам. Этих ребят командование посылало вперед тогда, когда больше никто справиться не мог, как специалистов по безвыходным положениям и невыполнимым заданиям. Полундра, когда еще только пришел в этот отряд и был в нем зеленым новичком, даже клички не получившим, один раз слышал разговор его тогдашнего командира, опытного морского спецназовца, и адмирала, дававшего им задание. И запомнился ему тогда такой обмен фразами. «Это же невозможно!» – сказал спецназовец. «Было бы возможно, я бы это не тебе поручил, а кому-нибудь другому», – ответил адмирал. «Морской дьявол» промолчал – крыть было нечем.

Впрочем, как раз сегодня задание у них было относительно легкое. Рутинное обеспечение безопасности кораб-

лей во время учений – что может быть проще? Конечно, дело несколько осложнялось тем, что учения проходили в теплом море, богатом на разную живность, в том числе и небезопасную для человека. Но это уже мелочи. Что такое какая-нибудь рифовая акула по сравнению с американским «морским котиком»? Смех да и только!

Погружения спецназовцы проводили пять-шесть раз в сутки, причем делали это нерегулярно, так, чтобы противник не мог составить себе график и выбрать безопасное время. Задачи погружений были простыми – осмотр днища на предмет минирования, проверка на наличие шпионов и диверсантов. До сих пор ничего подозрительного Полундре и его людям обнаружить не удалось. Прямо не боевые погружения получались, а купание. Напавшая позавчера на одного из мичманов мурена не в счет. Ему даже помогать не пришлось, сам рыбку за десять секунд разделал, да так, что любо-дорого смотреть.

– Что-то их на этот раз много, – сказал один из офицеров, стоявших на палубе. – Обычно они по трое погружаются, а сейчас их семеро. С чего бы это?

– Наверное, из-за «Зимородка». Его ведь, кажется, сегодня с крейсера запускают. Вот и придется ребятам потщательнее акваторию обшарить. Сами понимаете, желающих выяснить поподробнее, что это у нас за новинка такая, найдется немало.

– Это точно. А запускают БЛА точно сегодня?

– Точно. Мне командир говорил. И можете на меня не косячиться, это никакая не тайна. Даже американцы в курсе, все с ними согласовано.

– Понятно. Ну да, и пора бы уже. А то учения уже, считай, кончились, не сегодня завтра домой пойдем.

– Ох, поскорее бы...

В этот момент на палубу вышел командир корабля, капитан-ранг Давлетов.

– Товарищи офицеры!

И спецназовцы, и стоявшие поодаль от них моряки повернулись к командиру, отдали честь.

– Хочу сообщить вам хорошую новость, – сказал Давлетов. – Сейчас я разговаривал с командиром нашей группы, адмиралом Кохоновым. Он сообщил мне, что наиболее отличившиеся офицеры в составе военно-морской делегации будут отправлены с дружественным визитом в Йемен. Нас приглашает военно-морской министр, он очень доволен проведенными учениями и хочет познакомиться с российскими моряками. Сами понимаете, товарищи офицеры, отказываться не приходится. Да, собственно говоря, я думаю, никому это и в голову не пришло – посетите Йемен, говорят, красивая страна. Так, значит, от нашего корабля идут: Водянчук, Колодин, Павлов и Ященко. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не оказалось. Командир еще несколько секунд постоял на палубе, а потом ушел к себе. Полундра и его люди закончили одеваться, сели в катер и через

несколько минут все погрузились под воду.

А примерно спустя полчаса с палубы авианесущего крейсера стартовал БЛА. Смотрелся «Зимородок» весьма безобидно – словно увеличенная пластиковая авиамодель обтекаемой формы. И только странные утолщения под крыльями свидетельствовали о его боевом предназначении. Однако уже через несколько секунд после старта БЛА показал, на что способен. Заложив крутой вираж над американским вертолетом, он взмыл высоко в небо, развернулся и спикировал в воду – в самом деле, ни дать ни взять хищная птица за рыбой нырнула. Трудно было поверить, что все эти чудеса маневренности проявляет беспилотный аппарат, управляемый дистанционно, с борта российского авианесущего крейсера.

Офицеры на палубе гидрографического судна восхищенно цокали языками. Почти все они были людьми опытными и бывалыми, но такого никому из них видеть еще не доводилось.

А вертолет ВМС США невозмутимо висел в воздухе, словно огромная стрекоза. Морскому праву это не противоречило, и посему никаких претензий к нему быть не могло. Ведь ни о каких провокациях не могло быть и речи.

По крайней мере, пока.

Эта американская субмарина не участвовала в учениях. Официально ее здесь вроде бы и вовсе не было. По крайней мере, ни по каким документам наличие в соседнем с зоной проведения учений квадрате американской разведывательной подводной лодки обнаружить было нельзя. Однако в реальном мире лодка существовала. Это была небольшая дизельная субмарина, практически безоружная, но зато напичканная самой разной хитрой электроникой. Субмарина лежала на дне, примерно в сорока метрах под поверхностью. Она соблюдала режим полного радиомолчания. Эта подводная лодка служила своего рода опорной базой для американских подводных шпионов. Янки были предусмотрительны и предпочитали держать события не только под легальным, но и под неофициальным контролем. Впрочем, наблюдения за событиями были не единственной целью команды субмарины. И даже не основной.

В боевой рубке находились три человека. За столом сидел высокий худой моряк в полной форме. На лице у него застыла недовольно-брезгливая гримаса. Словно у человека, вынужденного делать что-то очень неприятное, от чего не удалось увильнуть. Собственно говоря, так оно и было. Лейтенант-коммандер Майк Старк терпеть не мог агентов спецслужб. Даже просто видеть их ему всегда было неприятно.

А уж иметь с ними общие дела тем более. Однако приказы командования не обсуждаются, и поэтому сейчас ему пришлось не только слушать разговор офицера разведки со специальным агентом ЦРУ, но и принимать в нем участие. Правительственный агент был невысок, коренаст, шевелюру имел ярко-рыжую, видимо, предки его из Ирландии в Новый Свет прибыли. Лицо у него было простодушное, покрытое многочисленными веснушками, шея короткая, пальцы тоже короткие и толстые. Одним словом, ни дать ни взять фермер из южных штатов, лопух и простофиля. Ни на шпиона, ни на контрразведчика Бернанд Гастингс совершенно не походил. Впечатление это было обманчиво. Как уже успел понять Майк Старк, этот тип был очень непрост. Собственно говоря, простаков в серьезных конторах и не держат. Гастингс сидел на стуле, чуть откинувшись на спинку и закинув ногу на ногу. Напротив него, рядом со Старком, расположился Саймон Вудмен, офицер флотской разведки. Этот Старка почти не раздражал. Лучше бы, конечно, вообще без разведки обходиться, но у Вудмена хоть форма есть и звание, он награды может на груди честно носить, в отличие от этих агентов, которые свои медальки получают даже без нагрудных креплений, только в коробочке их хранить и могут. Сейчас, правда, Вудмен в штатском, но все равно форма ему хотя бы положена.

От этих мыслей Старка отвлек громкий вопрос агента:
– Капитан, вам знаком этот человек? – Он протягивал лей-

тенант-командеру открытую папку. Старк неохотно взял ее. На него смотрела большая, очень четкая фотография молодого светловолосого мужчины. Майк напряг тренированную память. Ага!

– Конечно, – сказал он. – Это Сергей Павлов, русский подводный спецназовец.

В том, что Старк легко узнал, кто изображен на фотографии, не было ничего удивительного. Для кадрового военно-го элитного подразделения это совершенно нормально. В закрытых военно-морских институтах и США и СССР, а позднее России подробно изучались и изучаются не только основные боевые единицы потенциального противника, но и фамилии их командиров, штурманов, а также командиров наиболее боеспособных частей. Так что такие личности, как Полундра, имеющие за плечами не одно серьезное дело, в определенных кругах довольно широко известны. Кстати говоря, покажи кто-нибудь Полундре фотографию Старка, он бы его тоже узнал. И сумел бы сказать, на каком корабле и в каком звании он служит.

– Что вы можете про него сказать? – спросил церэушник.

– А что вас интересует? – довольно сварливо отозвался Старк. – Послужной список? Так он у вас в досье наверняка поточнее отражен, чем я вспомнить смогу. Или вас его интимные наклонности интересуют? Вот тут, уж извините, я вам не помощник!

– Лейтенант-командер, не забываетесь, – Гастингс на-

хмурился. – Шуточки свои оставьте при себе, мы не в баре!

– Тогда четче формулируйте вопрос. Я человек военный, прямой.

– Хорошо. Меня интересует ваше мнение о психологическом портрете этого человека. Сразу объясню, почему именно ваше. Вы с ним, так сказать, одного поля ягоды. Оба боевые псы, люди, как вы только что изволили выразиться, прямые, военные.

– Ну, я с ним виски не пил и на одном пляже не валялся. Но, насколько я могу судить, человек он твердый.

– А точнее? Как вы полагаете, на вербовку он пойдет?

– Нет, – отрезал Старк.

– Вы уверены?

– Послушайте, сэр, – обращение «сэр» Старк выделил интонацией так, что оно прозвучало тонкой издевкой, – я не понимаю, чего вы от меня добиваетесь. В чем тут можно быть уверенным? Я не знаю этого человека лично. Разумеется, могу ошибаться. Вас интересовало мое мнение? Вы его узнали. А гарантий никаких я вам дать не могу.

– А ваше мнение? – церэшник перевел взгляд на Вудмена.

– Я бы не был столь категоричен, как мой командир, – задумчиво произнес разведчик. – При определенных обстоятельствах склонить его к сотрудничеству, думаю, все-таки можно. Ключик можно найти на каждого. Но с этим парнем искать придется долго. Это крепкий орешек.

– Ну, мы с вами на то и профессионалы, чтобы такие орешки раскалывать.

«Да, – с отвращением подумал Старк. – На то вы и профессионалы, чтобы из честных военных предателей делать. Дерьмовая же у вас профессия!»

Старк гадливо поморщился. Он бы не испытал ни малейших душевных колебаний, если бы ему пришлось убить этого русского парня в бою. Даже если бы из засады стрелять пришлось, рука бы не дрогнула – война есть война, пусть даже необъявленная, а профессию этот Павлов себе добровольно выбирал. Но при одной мысли о том, что эти два сидящих у него в рубке стервятника будут всякими подлыми способами склонять русского офицера к предательству, Старку становилось тошно. А что, если сейчас в паре миль отсюда русские агенты его фотографию рассматривают и к нему ключик подбирают?

Специалисты тайной войны на гримасу лейтенант-командера внимания, разумеется, не обратили. Им было не привыкать.

– Нас интересует новый беспилотный аппарат русских, я правильно понял? – спросил Вудмен.

– Разумеется. Что же еще? Надо выяснить его параметры поточнее, а в самом лучшем случае просто заполучить его в свои руки.

– Но при чем тут Павлов? – удивленно приподнял брови Вудмен. – Он командир группы, обеспечивающей безопас-

ность российских судов, но без него группа не потеряет бое-
способности. А за работу непосредственно с интересующим
нас аппаратом он не отвечает.

– Мы разработали долгоиграющую оперативную комби-
нацию, – ответил церэушник. – Естественно, сами мы под-
ставляться не можем. Дело в том, что...

Тигран Митонасян стоял у окна и смотрел на улицу. Лицо у старого армянина, было задумчивым. Размышлял Тигран о том, что для счастья человеку надо, в общем-то, совсем немного. Особенно если человек этот уже немолод и неглуп. В самом деле, сейчас он всего лишь помогает в ресторане своему троюродному брату Ашоту. Вроде бы совсем незавидное положение, особенно для него, который еще пару лет назад был одним из самых богатых, высокопоставленных и влиятельных людей в Ираке. Но тем не менее чувствует он себя намного лучше и спокойнее именно здесь и сейчас. Тогда, в Ираке, несмотря на хорошие отношения с Хусейном, несмотря на богатство и высокое положение в обществе, он ни одной ночи не мог поспать спокойно. И ни одного дня не прожил в уверенности, что за ним сегодня не придут люди из тайной полиции. Ведь расположение президента – штука очень ненадежная. Сегодня оно есть, а завтра его нет. И тебя самого тоже нет, вместе с ним. Сейчас – другое дело. Поначалу, когда Тигран только-только появился в Ливане и прибыл в Бейрут, Ашот ему не слишком-то обрадовался. В конце концов, родней они были довольно дальней, до того момента видели друг друга только один раз. Но все, что было нужно, Ашот сделал – родственные узы для настоящих армян значат многое. Если бы не это, их диаспо-

ра не была бы такой сильной и разветвленной. А к слову сказать, в Ливане армяне жили еще со времен Тиграна Великого, который с римлянами воевал. В общем, Ашот быстро оформил родственнику документы, дал жилье при ресторане и обеспечил его работой. Сначала Тигран только выполнял всякие несложные поручения, но постепенно стал почти правой рукой Ашота – тот оценил ум и деловую хватку своего родственника. Ведь в таком деле, как ресторанное, часто бывает как воздух необходим человек, на которого можно без оглядки положиться. Таким человеком и стал для Ашота Тигран. И жилось ему в этом качестве совсем неплохо. Да и то – много ли в самом деле надо старику? На лаваш с маслом и шашлык хватает – а чего еще желать?

О своем багдадском прошлом Тигран старался вспоминать пореже. Даже брату почти ничего о том, что делал в Ираке, не рассказывал, сказал только, что работал на секретном объекте. Ашот не настаивал. Он тоже был умен и прекрасно понимал, что чем меньше знаешь, тем крепче спишь. Кстати, спалось Тиграну в Бейруте намного лучше, чем в Багдаде. Спокойнее.

Старый армянин слегка встряхнул головой, отгоняя лишние мысли. И отвернулся от окна. Дел у него сегодня было много. Постоял немного, подышал воздухом – и вперед, работать.

Тигран прошел на кухню ресторана. Последнее время именно на нем лежала обязанность смотреть за поварами,

а иногда он даже лично готовил некоторые традиционные блюда армянской кухни, даже сам Ашот, считавший себя прекрасным поваром, признавал, что многое у Тиграна выходит вкуснее.

Слегка прикрикнув на поваров и убедившись, что должное впечатление на них это произвело, Тигран отправился в главный зал. Он был почти пуст – ничего удивительного, мало найдешь любителей ходить в рестораны утром. Только у самого выхода один из столиков был занят двумя арабами. Но эти явно зашли сюда не столько поесть, сколько поговорить – заняты они были не содержимым тарелок, а друг другом, что-то тихо обсуждали. Тигран скользнул по ним взглядом и двинулся к стойке. Однако спустя секунду снова повернулся к арабам – лицо одного из них неожиданно показалось Митонасяну смутно знакомым. Повернувшись, он увидел, что оба араба смотрят на него. И глаза у них нехорошие, словно прицеливаются. Армянин смутился, отвел взгляд, а когда спустя минуту исподтишка опять посмотрел на тот столик, арабы уже снова были заняты тихим разговором.

«Наверное, показалось», – с облегчением подумал Тигран. Правда, ощущение, что одного из этих посетителей он уже где-то видел, не покидало его. Но вспомнить, где именно и при каких обстоятельствах, Тигран не мог. Немного помучившись, он мысленно махнул на это рукой. В самом деле, он в жизни столько народу разного встречал, что было бы просто странно, если бы при этом всех помнил.

Окончательно выбросив из головы странных утренних посетителей, Тигран подошел к старшему дежурной смены – проверить, как он выполняет свои обязанности. Но не успел обменяться с ним и парой слов, как из двери, ведущей на кухню, показался сын Ашота, четырнадцатилетний мальчишка, помогавший отцу по ресторану.

– Дядя Тигран, там за мусором приехали. Говорят, расплатиться надо.

– Как так? – удивился Тигран. – На прошлой недели Ашот с ними расплатился! Следующий раз еще не скоро!

– Не знаю, дядя Тигран. Сам с ними поговори, отца сейчас нет.

Тигран кивнул. Он знал, что Ашот собирался утром ехать к одному из поставщиков продуктов.

Он миновал кухню и вышел через черный ход. Рядом с мусорными контейнерами стоял грузовик, тот самый, который обычно забирал отходы ресторана. Вот только лица мусорщиков показались Тиграну незнакомыми. Впрочем, кто их разберет, этих арабов? Может быть, это другая смена, а может быть, просто новые работники.

Тигран подошел к грузовику.

– В чем дело? Мы ведь рассчитались с вами на прошлой неделе.

– Вы не с нами рассчитались, а с теми, кто до нас мусор вывозил. Ашот Митонасян заключил новый договор с нашей фирмой. Сегодня мы должны получить оплату.

– Странно, – нахмурился Тигран. – Ашот ничего мне об этом не говорил.

Армянин слегка насторожился, ситуация была какой-то странной. Не собрались ли его обжулить? Или еще чего похуже?

– Может быть, забыл? – предположил араб. – Но пока денег не получим, мусор вывозить не будем.

Физиономия у него была совершенно равнодушная и спокойная, а голос безразличный. Именно это и убедило Тиграна в том, что араб не врет. Типичный наемный работник, которого ничего не интересует. Не дадут ему сейчас денег – спокойно уедет, а начальнику скажет, что сбой произошел не по его вине. А они тут с полными баками отходов останутся!

Колебания Тиграна, видимо, отразились на его лице.

– Да ты не сомневайся! Не веришь мне – посмотри договор, – араб шагнул к мусоровозу. Митонасян последовал за ним.

Из-за мусорного бака быстро, словно отпущенная тугая пружина, взмыл здоровенный детина с бейсбольной битой в правой руке. Прежде чем Митонасян успел осознать, что происходит, бита со свистом описала в воздухе короткую дугу и с громким стуком врезалась ему в голову. Впрочем, удар оказался не слишком силен – нападавший бил профессионально, бита задела череп армянина по касательной, ровно с такой силой, чтобы оглушить, но не причинить никаких серьезных увечий.

Тигран, не успев и охнуть, рухнул на землю. Арабы кинулись к нему и мгновенно запаковали в непрозрачный черный пакет для мусора. Здоровяк безо всякого напряжения забросил бесчувственного армянина в кузов мусоровоза. Меньше чем через минуту грузовик выехал со двора на улицу. Случившегося так никто и не заметил – людей утром в ресторане было мало, а те, кто был, занимались своими делами. А мусоровоз, миновав армяно-григорианскую церковь, лавку восточных сладостей и антикварный магазин, выехал из армянского квартала. Он направлялся в сторону порта.

* * *

Порт Бейрута очень велик и шумен. Оно и понятно – Ливан, конечно, не самое крупное государство, но все-таки столица есть столица. В порт заходили корабли из самых разных стран, причалы кишели людьми, говорившими на разных языках, с разным цветом кожи и в самой разнообразной одежде – от немыслимых лохмотьев до строгой морской формы флота какого-нибудь из европейских государств. В воздухе висел разноязыкий гвалт, непривычный человек, попав сюда, легко мог решить, что угодил в сумасшедший дом, причем в отделение для буйных. Машин здесь было тоже очень много, и тоже самых разных. Поэтому мусоровоз, беспрепятственно въехавший на территорию порта через центральные ворота, совершенно не привлекал к себе внимания.

Даже дежурившие у ворот таможенники не сочли нужным его останавливать. Впрочем, судя по тому, какими взглядами обменялись между собой два толстых араба в офицерской форме, возглавлявшие пост, можно было догадаться, что причина такого благодушия есть, и она вовсе не в лени. В самом деле, взятки здесь, на Востоке, умели давать и брать с непринужденностью и изяществом даже в те далекие времена, когда предки европейцев еще только-только железо ковать научились.

Мусоровоз проехал через весь порт, приблизился к одному из небольших причалов, возле которого стояла небольшая невзрачная рыбацкая фелюга. Кораблик этот словно сошел со страниц учебника истории – деревянные борта, грязная палуба, замызганный парус, несколько оборванцев, расположившихся на каких-то тюках рядом с мачтой. Точь-в-точь пиратский кораблик, только совсем маленький.

К остановившемуся мусоровозу подошли двое высоких мужчин. Дверца кабины открылась. Наружу выглянул тот самый араб, который разговаривал с Митонасяном. Он быстро обменялся с подошедшими несколькими словами, потом коротко кивнул, выскочил из машины и кинулся к причалу.

– Эй! Давайте сюда!

Оборванцы на палубе фелюги крики эти проигнорировали. Но орущего это не смутило.

– Сюда давайте, дети больного верблюда! Кому сказал!

После этих слов, на которые вообще-то полагалось бы

обидеться, оборванцев словно подменили. Они дружно повскакали с мест, сноровисто перекинули с борта фелюги на причал широкий трап и спустились по нему.

Араб кивнул им в сторону мусоровоза и тихо отдал несколько коротких команд. Оборванцы кинулись к машине. Через несколько секунд они уже тащили к трапу черный мешок, в котором находился предмет, весьма напоминающий человеческое тело. Собственно, им он и был.

Этот рейд не остался незамеченным. К причалу неторопливо пошел один из таможенников. Но не успел он и рта раскрыть, как к нему подскочил водитель мусоровоза. Одной рукой он обнял таможенника за плечи, словно старого друга, а второй очень ловко залез ему в карман. Офицер явно заметил это, но ни малейших признаков гнева и возмущения не выказал. Напротив – лицо его расплылось в довольной усмешке. Он о чем-то спросил водителя грузовика, тот ответил. После этого таможенник, похлопав себя по карману, в котором только что побывала чужая рука, повернулся к фелюге спиной и таким же неспешным шагом удалился с причала.

Через десять минут фелюга отчалила.

* * *

Ночь была роскошной. Яркие южные звезды – каких только сравнений для них не придумывали люди в разные вре-

мена, а все равно так ничего подходящего и не подобрали – горели так ярко, что казались совсем близкими. Казалось, подпрыгни повыше, и сумеешь сорвать одну из них с темного неба. Или наклонись и зачерпни из воды – отражения звезд в океане были столь же яркими и загадочными. Дул легкий бриз, море слегка волновалось. Воздух был свеж и прохладен, как это бывает только в этих морях, на этих широтах.

По волнам, подгоняемая свежим ветром, под надутым парусом шла рыбацкая фелюга. Выглядела она в звездном свете таинственно и загадочно, при взгляде со стороны трудно, наверное, было бы поверить, что такая картина принадлежит насквозь неромантическому двадцать первому веку. Казалось, вот-вот на палубе кораблика появится пират в широкополой шляпе и кафтане в белых кружевах, со шпагой на боку и пистолетами за поясом.

Но смотреть на фелюгу было некому, море было пустынно. Впрочем, нет. Впереди виднелись огни какого-то судна, к нему-то явно и направлялся рыбачий кораблик.

Судно это оказалось яхтой. Но, в отличие от фелюги, весьма большой и совершенно современной. Строго говоря, и не яхта никакая, а полноценный корабль. Просто как-то уж повелось называть такие вот частные корабли, дорогие игрушки богатых людей, именно яхтами. Впрочем, мачта на этой яхте все же имелась. Правда, паруса на ней не было, ее капитан явно предпочитал более современные двигатели. Не было на яхте ни названия, ни порта приписки, ни флага – а

вот это уже было странно по-настоящему. Это все равно что машина без номеров.

На носу приблизившейся к яхте фелюги замигал фонарик. Интервалы между вспышками были неровными, они что-то обозначали. Но ни один знаток морских кодов ничего не разобрал бы – использовалась явно нестандартная кодировка. Однако на яхте сигнал прекрасно поняли. Вскоре на ее борту замигали такие же вспышки, фелюга двинулась вперед и через пару минут пришвартовалась к высокому борту яхты.

– Привезли? – раздался в ночи негромкий голос, говоривший по-арабски. Его обладатель находился на борту таинственной яхты.

– А как же, – отозвался кто-то с фелюги. – Принимайте свой заказ!

Черный сверток быстро передали с фелюги на яхту. После этого два судна разошлись в разные стороны.

К городу Адену, экономической столице Йемена, как нельзя лучше подходило придуманное партийными идеологами в советское время определение «город контрастов». Так оно и было – центр города и его восточная часть выглядели совершенно респектабельно, даже роскошно. Широкие чистые улицы, освещенные по ночам мощными фонарями, шикарные магазины и рестораны, государственные конторы в многоэтажных зданиях, некоторые можно было даже небоскребами назвать. По улицам ездили дорогие машины, люди на тротуарах были хорошо одеты и выглядели уверенными в себе – а это, как известно, один из признаков процветания. Вся эта красота была построена и куплена за нефтедоллары. Йемен оказался в числе тех стран, которым повезло – на его территории находились настоящие подземные нефтяные озера, а то и моря. Нефтедобыча здесь была основным источником дохода, а одним из самых важных людей в стране был министр нефти – именно так он и назывался совершенно официально. Нефть здесь считали достаточно важной вещью, чтобы ею занималось отдельное министерство.

Однако нефтедолларов хватало не на все. Северный, западный и южный районы города производили совершенно иное впечатление. Это были настоящие трущобы. Узкие грязные переулки были залиты нечистотами, здесь даже ка-

нализации не было, все свои отходы люди преспокойно выбрасывали прямо на улицу, как в средние века. Большая часть обитателей этих кварталов выглядела так, что рядом с ними рядовой российский бомж показался бы образцом элегантности. Практически никто из здешних жителей нигде не работал, существовали они, в основном паразитируя друг на друге. Полиция в эти районы практически никогда не заходила – разве что в случае, когда приходилось преследовать или разыскивать преступника, совершившего что-то противозаконное в «чистой» части города. Вот уж в этих случаях полицейские действовали с широким размахом и предельно решительно – опасаться того, что кто-то из обитателей трущоб обратится в суд, не приходилось.

Между трущобами и центром существовали промежуточные районы, где жили те, кто пытался из трущоб выбраться, и те, кто в них скатывался. Однако кое-где эти районы были настолько невелики, что достаточно было сделать пару десятков шагов, чтобы с широкой чистой улицы, на которой располагались большие магазины, казино и рестораны, где дежурил подтянутый полицейский, попасть в вонючий переулок. Американских и европейских туристов, приезжавших в Аден, представители обслуживающих их фирм всегда специально предупреждали – за жизнь и здоровье людей, рискнувших отправиться в «грязные» районы, никто ответственности не несет. Поэтому лучше там не показываться. Обычно туристы слушались. Находились, конечно, любите-

ли острых ощущений или запретных удовольствий – и то и другое получить в трущобах было крайне легко. Как правило, такие искатели приключений возвращались довольными и долго рассказывали соотечественникам о своих похождениях. Но бывало так, что и не возвращались. Полиция, конечно, устраивала рейд по трущобам, но, как правило, безрезультатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.